

Цзинь Инань

**1
ТОМ**

**ВЕЛИКИЙ ПОХОД
ПУТЬ ТЯГОТ И СВЕРШЕНИЙ**

Великий поход: путь тягот и свершений

Цзинь Инань

**Великий поход: путь
тягот и свершений. Том 1**

Международная издательская компания «Шанс»

2009

УДК 355.486.9(510)
ББК 63.3(5Кит)6

Инань Ц.

Великий поход: путь тягот и свершений. Том 1 / Ц. Инань —
Международная издательская компания «Шанс»,
2009 — (Великий поход: путь тягот и свершений)

ISBN 978-5-907646-41-4

Менее чем за сто лет Китай совершил поистине удивительный скачок, превратившись из отсталой феодальной страны с традиционным укладом в одну из самых мощных и экономически развитых мировых держав. Путь, который прошел Китай, был отмечен множеством драматических событий, кровопролитных войн и революций; военачальники и революционеры, преданные душой и телом народу и своей родине, ценой собственной жизни обеспечили ей возрождение и дальнейшее процветание. Смутное время порождает героев и злодеев, заставляет людей совершать подвиги и бесчестные поступки, возносит на пьедестал одних и стирает из памяти других. Из бушующего пламени безумной эпохи родился Новый Китай. Издание предназначено для всех, кто интересуется военной и политической историей, мировыми революционными движениями и событиями первой половины XX века.

УДК 355.486.9(510)

ББК 63.3(5Кит)6

ISBN 978-5-907646-41-4

© Инань Ц., 2009
© Международная издательская
компания «Шанс», 2009

Содержание

Предисловие	6
Предисловие к первому изданию	8
Глава 1. Огонь земной	10
1.1. Колебания Сунь Ятсена	13
1.2. Закаленная Сталь	25
1.3. Кто избрал Мао Цзэдуна	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Цзинь Инань

Великий поход: путь тягот и свершений. Том 1

При оформлении обложки за основу взята картина Ин Епина и Ван Хуаньцина «Начало Великого похода» (1961)

Исключительные права на издание и распространение во всем мире перевода данного произведения на русский язык предоставлено «Международной издательской компании «Шанс» лицензией ООО «Издательство китайских переводов». Все права защищены. Не допускается копирование и распространение текста без письменного разрешения правообладателей.

© ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2025

© ООО «Издательство китайских переводов», 2025

© ООО «Восток Бук», 2025

Предисловие

Общий тираж этой книги с момента ее первого издания в 2009 году на сегодняшний день превысил миллион экземпляров; издание, которое вы держите в руках, представляет собой ее исправленный и дополненный вариант. В книге описано большое количество знаковых событий, рассказано о множестве исторических личностей. В период написания этой работы у автора не было возможности исследовать такой большой объем материалов, как сейчас, искать информацию было гораздо сложнее.

К примеру, в первом издании книги говорится о командующем армии Гоминьдана Чжоу Хуньюане:

«Каково его происхождение? Как строилась его военная карьера? Где он скончался? Известно лишь, что он был верным сподвижником Сюэ Юэ и преследовал Красную армию более двадцати тысяч ли¹, но откуда он взялся и куда потом исчез, никто не знает».

После выхода книги автор получил множество писем и звонков от читателей, которые предоставили огромное количество информации и материалов о Чжоу Хуньюане, что позволило восполнить этот пробел.

Также в первоначальном варианте книги Исихара Синтаро² упоминается как сын Исивара Кандзи – ключевой фигуры в Мукденском инциденте. В нынешнем издании эта ошибка исправлена³.

Сын командира 1-го батальона 1-го полка 1-й дивизии Красной армии и штурмового отряда поселка Аньшуньчан Сунь Цзисянь снабдил авторов ценными материалами, оставшимися от отца. Благодаря этому архиву мы наконец нашли ответ на вопрос, сколько бойцов – семнадцать или восемнадцать – и сколько паромов участвовали в переправе через реку Даду.

Благодаря полученным материалам и новым сведениям, содержание нового издания стало более точным и достоверным. Автор учел советы и замечания читателей и внес в текст некоторые корректировки, убрал повторы и многословие, таким образом родилось исправленное, более современное издание. От всей души благодарим каждого, кто советами и замечаниями внес свою лепту в создание этой книги! Дополнения и уточнения обогатили ее, сделали содержание более полным и объемным, а описания исторических событий и характеристики исторических личностей более достоверными.

Пользуясь случаем, мы бы хотели поделиться своими впечатлениями от процесса редактирования книги. Китайская революция никогда не оценивалась историками исключительно положительно, а Коммунистическую партию Китая (КПК) не рассматривали всерьез в качестве перспективной правящей партии. Никто и не предполагал, что путь социализма с китайской спецификой будет усеян цветами и устлан красным ковром. В стремлении достичь успеха нельзя полагаться лишь на удачу, на предначертания судьбы и неведомое волшебство, способное решить все проблемы. Только твердость характера и нестигаемая воля, неуклонное следование принципам и долгу, готовность пожертвовать собой и преемственность поколений приведут к победе в деле революции – это истина, актуальная со времен первых революций и по сей день. Будь собой, преодолевай препятствия и стремись к вершинам.

¹ Ли – китайская мера длины, приблизительно равная 0,5 км. – Здесь и далее, если не указано иное, примеч. ред.

² Исихара Синтаро (1932–2022) – японский писатель и политик, в 1999–2012 годах занимал пост губернатора Токио. В 2012–2014 годах возглавлял Партию возрождения Японии. Известен своими крайне правыми взглядами.

³ Японские фамилии Исивара и Исихара пишутся одними и теми же иероглифами и по-китайски читаются одинаково. – Примеч. пер.

Один из зарубежных «демократических» лидеров с сожалением говорил: «Наша самая большая ошибка состояла в том, что мы недооценили жизнестойкость коммунистической партии». В чем же заключается эта самая «жизнестойкость»? Чем она обусловлена? Жизнестойкость партии исходит из непоколебимости силы духа ее членов. Ни одно политическое объединение в современном Китае не может похвастаться таким количеством непримиримых борцов, готовых пожертвовать жизнью во имя учения и принципов, не сворачивая с пути, продолжать правое дело своих предшественников. Они делают это не ради высоких должностей, не ради материальных благ, а во имя идеи и веры в свои идеалы, их не пугают ни трудности, ни даже смерть. Партийцы продемонстрировали невероятную жизненную силу и боеспособность, примеров которым ранее не знала богатейшая китайская история. Именно эта стойкость, воплощенная в могучей жизненной силе и боеспособности, и стала лейтмотивом книги «Великий поход: путь тягот и свершений».

Красная армия, одолевшая тысячи километров, непрерывно эволюционировала с того дня, как отправилась в путь. Она встречала многие препятствия: ожесточенные бои собирали свои кровавые жертвы, случались и бунты, и предательство отдельных военных... Ее эволюция продолжается до сих пор; устаревшее сменяется новым, уступая дорогу современности. «Имя и брэнное тело канут в небытие, а река будет течь вечно»⁴. Главная цель как партии, так и армии, на протяжении десятилетий остается неизменной: в историческом процессе спасения и возрождения нации твердо придерживаться задачи, возложенной эпохой.

Это и есть величайшее средоточие жизнестойкости Китайской коммунистической Партии.

Она – победитель, всегда им была и остается до сих пор.

Сможет ли она остаться победителем и в будущем?

Этот вопрос – исходная точка наших размышлений.

Цзинь Инань

Хайнань, 25 декабря 2015 г.

⁴ Цит. по: Ду Фу. Цикл «В шутку написал шесть четверостиший» (Си вэй лю цзюэ цзюй).

Предисловие к первому изданию

Откуда я взялся?

Откуда взялись все мы?

Эти вопросы стары, как мир. С этими вопросами могли бы обратиться люди к своим давно почившим предкам, величественные деревья – к своим корням, извергающиеся вулканы – к земной коре, ограниченное – к бесконечному.

Когда-то мы были рабами, и поэтому наша страна пребывала в упадке на протяжении целого столетия – с 1840 по 1949 годы, однако появились герои, проложившие путь возрождению китайской нации, которое началось в 1949 году и продлится еще сто лет, вплоть до 2050 года. В сравнении с величественным и бескрайним морем истории человеческая жизнь – лишь краткий миг. В погоне за счастьем человек отказывается признавать свое рабское прошлое и зачастую не придает значения героям. Сами того не замечая, мы отбрасываем свою историю, неистово бурлящую потоками крови и потрясающую воображение, лишаем ее живой силы, словно превращая в сухое и безжизненное комнатное растение, оставленное на безлюдных задворках памяти. История перерождается в судьбу отдельного человека, все живые существа лишь с трепетом взирают на бесконечные превращения, описанные в «Книге перемен». Но не потеряли ли мы свое главное богатство? Цюй Цюбо говорил: «Человек дорожит своей историей, как птица дорожит своими крыльями, так не отрывайте же у меня крылья!» Невозможно обрести способность к полету, не прочувствовав как следует свою историю.

Дени Дидро говорил: «Если отбросить истину и добродетель, то чем же мы будем вдохновляться?» Переиначив его слова, я спросил бы так: «Если не вдохновляться ничем иным, кроме личной наживы, то как мы станем прямоходящими существами?» Действительно ли туго набитого кошелька достаточно для того, чтобы встать в один ряд с другими народами мира? Если бы китайская нация всегда исходила исключительно из личных интересов отдельных людей, она никогда не породила бы Сунь Ятсена и Мао Цзэдуна. От вас требуется не срывать яркие цветы истории, а добывать огонь, подобно лаве, бушующий в недрах земли. Как говорил великий французский историк и основатель школы «Анналов» Люсьен Февр, «в нынешнем изменчивом мире лишь история способна вселять в нас спокойствие и смело смотреть в лицо жизненным обстоятельствам». Во время Второй мировой войны Люсьена Февра расстреляли фашисты, но его слова по-прежнему звучат гулким эхом в стремительно меняющемся новом мире.

Для китайской нации не теряет важности принцип преемственности. Я уверен, что те, кто в современном мире трудится во имя возрождения нации и ведет свою невидимую борьбу за идеалы, могут подпитываться живительными соками истории. Как бы ни была богата и мощна наша страна, мы должны твердо придерживаться принципа, изложенного в строчке нашего гимна:

*Вставай, кто рабства больше не хочет!
Своими кровью и плотью
Построим нашу новую Великую стену!*

Как бы ни было тяжело, мы должны всегда помнить слова «Интернационала»:

*Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь, и не герой⁵.*

⁵ Русский перевод текста – А. Я. Коц.

Материя существует вечно, равно как и космос, но лишь дух в состоянии тягаться с необъятным небосводом. Каждой нации нужны свои герои. В истинном герое всегда заложено нечто трагическое: он сеет семена, но урожай собирать будут другие. Эти люди – опора нации, ее стержень.

Я посвящаю книгу прошлым, настоящим и будущим героям, составляющим опору нашей нации. Пережитые ими тяготы принесли нам великолепный урожай.

Цзинь Инань

24 сентября 2008 г.

Глава 1. Огонь земной

Первым китайским деятелем, на кого делала ставку Советская Россия, был У Пэйфу, а не Сунь Ятсен. Сталин обратил внимание на Чан Кайши раньше, чем на Мао Цзэдуна. Троцкий предупреждал об опасности, Сталин же, по собственному выражению, «выжимал лимон».

Чэнь Дусю пришлось считаться с мнением Коминтерна. Трагедия Чан Кайши заключается в том, что он был современником Мао Цзэдуна. Исследователи ищут ответ на вопрос, как удалось выжить «красной» власти на китайской земле.

Какой бы яркой и волнующей ни была история, после того как ее действующие лица один за другим уходят в небытие, сама она превращается в обыкновенную кипу старой бумаги, пылящейся на книжных полках. На одном из стеллажей тихого и безмолвного библиотечного зала стоит старая книга с пожелтевшими, словно высохшие осенние листья, страницами, изданная в октябре 31 года по календарю Республики⁶ (1942 год). Это первое издание. На странице 195 мы находим дневниковую запись, датированную 12 декабря 25 года по календарю Республики (1936 год):

«...Полиестого утра. Я передевался после утренних упражнений, когда у входа в штаб раздались выстрелы. Я тотчас отправил своего охранника посмотреть, что случилось, но он так и не вернулся. Снова прозвучали выстрелы. Я отправил второго охранника, после чего выстрелы зазвучали уже непрерывной чередой...»

Похоже на завязку какого-то неуклюже написанного приключенческого романа. В то же время можно легко представить себе, как дрожала рука того, кто писал эти строки.

Читаем дальше:

«...Я вышел на задний двор, перешел по мосту, что находится с восточной стороны штаба, к черному ходу. Ворота оказались заперты, а я в спешке забыл прихватить с собой ключ, поэтому пришлось перелезть через стену. Она была всего около чжана⁷ высотой, так что перемахнуть через нее не составляло труда. В темноте я оступился и угодил ногой в канаву у внешнего основания стены. Боль была дикая, невозможно ступить ни шагу. Прошло минуты три. Не мог же я оставаться там вечно! Пришлось идти дальше. Метров через десять мне попался маленький храм, его охранники поспешили мне на помощь. В этом захолустье к востоку от гор даже тропинок нет, а если идти на запад, то можно наткнуться на мятежных солдат. Я решил дальше идти на восток, пришлось карабкаться на ощупь по крутым горным склонам...»

Кто же этот человек, которому перемахнуть через стену высотой в целый чжан «не составляет труда»? Позорное паническое бегство сливается воедино со стремлением выжить любой ценой. Трудно поверить, что этому удалцу, способному одним махом преодолеть довольно высокую стену, на тот момент уже перевалило за пятьдесят. Это строки из дневника

⁶ Календарь Республики (Календарь Китайской Республики, Календарь Миньго, «Календарь народного государства») – порядок летоисчисления в Китае, совпадающий с календарем чучхе: номер года Китайской Республики соответствует разнице между номером года по григорианскому календарю и числом 1911. Введен после свержения монархии, когда Сунь Ятсен объявил 13 день 11 месяца 4609 года (т. е. 1 января 1912 года по европейскому летоисчислению) началом 1 года Китайской Республики.

⁷ Чжан – традиционная китайская мера длины, примерно равная 3 м. – *Примеч. пер.*

председателя военного комитета национального правительства Чан Кайши, а событие, о котором идет речь, произошло 12 декабря 1936 года и вошло в историю как Сианьский инцидент.

На следующее утро после инцидента ЦК КПК провел расширенное заседание постоянного комитета Политбюро в Баоане, на котором большинство участников выступило за то, чтобы допросить Чан Кайши, а затем ликвидировать его. Уже в полдень Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай направили Чжан Сюэяну телеграмму, в которой проинформировали его об этом решении. 14 декабря высшее командование Красной армии направило телеграммы аналогичного содержания Чжан Сюэяну и Ян Хучэну, а 15 числа – руководству партии Гоминьдан и национальному правительству. На третий день после инцидента в советской газете «Правда» была опубликована передовица, в которой утверждалось:

«Объяснение причин восстания в войсках Чжан Сюэяна следует искать, несомненно, в происках прояпонских элементов в Китае, которые используют все средства для облегчения японскому империализму дела закабаления страны»⁸.

По мнению авторов статьи, Чжан Сюэян был агентом японских спецслужб, а Сианьский инцидент – частью плана японских захватчиков. Японское правительство, в свою очередь, было уверено, что Чжан Сюэян заключил с Советским Союзом «оборонительно-наступательный союз» и действует в его интересах, а последний является истинным инициатором Сианьского инцидента. Газета «Токио нити-нити синбун» пишет о тех событиях:

«Япония решительно выступает против каких-либо компромиссов между Нанкинским правительством и Чжан Сюэяном по вопросу объединения с коммунистами для ведения антияпонской войны».

Хэ Инцинь от имени Нанкинского правительства перебросил войска и приготовился к бою, а Сун Мэйлин, выступая посредником между двумя сторонами, пыталась добиться мира. Однопартийцы Чан Кайши пребывали в смятении. По словам очевидцев, Дай Цзитао отбросил в сердцах стул, ударил по столу и зарыдал, а Цзюй Чжэн, обычно такой сдержанный и осмотрительный, кричал не своим голосом: «Если мы не выступим против Чжан Сюэяна и Ян Хучэна сегодня же, значит, мы даром едим свой хлеб!»

В столь сложные для страны времена политическая арена в Китае не в состоянии была вместить всех желающих, так что на ней находилось место лишь тем, кто делом доказывает, что достоин своего положения. Количественные изменения ведут лишь к нагромождению имен и лиц в истории, а качественные становятся ее своеобразными водоразделами. Первые происходят непрерывно, ежедневно и ежечасно, они видны невооруженным глазом, а вот наступление вторых не так легко заметить и крайне сложно предвидеть. К 12 декабря 1936 года в китайской политике произошло достаточно количественных изменений, и все ее действующие лица, направляемые какой-то невидимой рукой, неожиданно вышли на авансцену. История оказалась на распутье. Объятые нерешительностью, но не сворачивающие с пути Гоминьдан и Коммунистическая партия в Китае, Советский Союз и Коминтерн, японские милитаристы эпохи Сёва⁹ осторожно, но упрямо искали свое место в истории. Каждый из них выстраивал свою позицию, пересматривая и переосмысляя ее, а затем озвучивал всему миру.

Председатель военного комитета Чан Кайши, подвернувший ногу и повредивший спину во время бегства из резиденции у горячих источников Хуацинчи, тоже в конце концов приковывал к распутью. Его настрой был так же изменчив, как обстановка во время Сианьского инцидента. Движимый инстинктом самосохранения, он без колебаний перемахнул через стену,

⁸ События в Китае // Правда. М.: 1936. 14 декабря, № 343 (6949). – С. 1. – Примеч. пер.

⁹ Эпоха Сёва (яп. Сёва дзидай) – период истории Японии с 25 декабря 1926 по 7 января 1989 года во время правления императора Хирохито. Девиз правления императора дал название эпохе – «Просвещенный мир».

чтобы бежать, а позже точно так же без колебаний пытался покончить с собой, лежа в постели в заключении¹⁰. Сначала Чан бросает в лицо Чжан Сюэляну обвинения в том, что тот действует по указке «красных», а потом в разговоре с Чжоу Энляем говорит, что тоскует по сыну, прикнувшему к коммунистам в Советском Союзе. Председатель военного совета потерял хладнокровие. Он даже не успел толком одеться и привести себя в порядок, когда тяжелый занавес истории опустился за его спиной. Лишь строки с выцветшей и потрепанной страницы дневника выражают печаль всей его жизни:

«Этот мятеж одним росчерком пера перечеркнул все, чего мы достигли в ходе национальной революции – все результаты нашего восьмилетнего труда по истреблению бандитов, которое мы планировали завершить в ближайшие пару недель (максимум – месяц)».

Борьба против коммунистов в Китае велась восемь лет. Это было тяжелое и изнурительное противостояние, а для его завершения не хватило всего двух недель. Восемь лет – это 2 920 дней, две недели – это четырнадцать дней. Восемь лет соотносятся с двумя неделями в пропорции 1 000:4,7. Как говорится, одна маленькая ошибка приводит к непоправимым последствиям. Эта мысль терзала председателя военного совета всю оставшуюся жизнь, вплоть до праздника Цинмин в 1975 году, пришедшегося на 5 апреля, когда в 11 часов 50 минут вечера он скончался вследствие болезни в своей резиденции Шилинь у подножия горы Цаошань в пригороде Тайбэя. Как устояли коммунисты под его натиском, вопреки всем стараниям, так и осталось для него загадкой до конца жизни. После смерти Чан Кайши чунцинское издание его дневника, вышедшее в 31 году Республики (1942 год), было фактически предано забвению, а загадка так и осталась неразрешенной.

¹⁰ Находясь под арестом, Чан Кайши объявил голодовку.

1.1. Колебания Сунь Ятсена

Сердце Нового Китая – город Пекин. Сердце Пекина – ворота Тяньаньмэнь. А что можно считать сердцем Тяньаньмэнь? Конечно же, украшающий их гигантский портрет Мао Цзэдуна. Из месяца в месяц, из года в год, днем и ночью с него взирают на нас лучащиеся мудростью глаза вождя. Своим взглядом Мао охватывает простирающуюся перед ним площадь Тяньаньмэнь – самую большую площадь в мире – и наблюдает за жителями Нового Китая. Для всех китайцев и многих жителей других стран ворота Тяньаньмэнь неразрывно связаны с его образом, однако не многим известно, что сам Мао Цзэдун изначально не очень-то жаловал эти ворота. Он говорил, что те слишком высоки, а возвышаться над всеми нехорошо, поэтому предлагал построить небольшую двухъярусную трибуну на мосту Цзиньшуйцяо, ниже уровня ворот Тяньаньмэнь, чтобы быть ближе к народным массам во время различных мероприятий. Что касается расположенного за воротами Запретного города, то в апреле 1954 года Мао трижды поднимался на окружающую его стену, обходил по ней территорию по периметру, однако ни разу не заходил внутрь. Почему же трибуну перед воротами Тяньаньмэнь так и не возвели? Дело в том, что эта идея вызвала бурное недовольство общественности, так как ее конструкция нарушила бы первоначальный архитектурный ансамбль. Почему же, прожив значительную часть жизни в резиденции Чжуннаньхай, которую отделяла от Гугуна лишь одна улица, Мао Цзэдун так и не зашел на его территорию, хотя на окружающую его стену взбирался три раза? На это, безусловно, были свои причины, но сейчас их уже никто узнает. Каким бы ни было отношение председателя к воротам Тяньаньмэнь, благодаря постоянному присутствию на трибуне во время многочисленных демонстраций, праздничных мероприятий и военных парадов в тяжкие для страны времена, его образ прочно связан с ними в памяти народа.

К настоящему времени изображение Мао постепенно исчезло практически отовсюду, но его неизменно можно увидеть на воротах Тяньаньмэнь, и так будет, пока сами эти ворота не исчезнут с лица земли. Раньше по случаю праздников и торжественных церемоний на площади Тяньаньмэнь вывешивали гигантские портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Сунь Ятсена, позже перед Памятником Народным героям стали размещать только изображение отца нации. И поныне величайшие деятели китайской революции, Сунь Ятсен и Мао Цзэдун, молча взирают друг на друга с разных концов самой большой площади в мире. Первый родился в 1866 году, второй – в 1893 году, разница в возрасте у них составляла 27 лет. Первый умер в 1925 году, второй – в 1976 году, прожив на 51 год дольше. Но действительно ли понимали друг друга эти два великих революционера, основатели современного Китая?

Мао Цзэдун узнал о Сунь Ятсене в 18 лет. В 1936 году во время Великого похода на севере провинции Шэньси председатель рассказал о том, как впервые узнал о Сунь Ятсене, в интервью американскому журналисту Эдгару Сноу. Это произошло в далеком 1911 году, когда Мао учился в средней школе города Сянсян в административном центре провинции Хунань городе Чанша. На глаза ему попала газета «Миньли», издаваемая членом Тунмэнхой¹¹ Юй Южэнем, в которой он прочел о восстании в Гуанчжоу и о гибели 72 отважных бойцов, отдавших жизни за революцию. Там же он узнал и о программе этой революционной организации. Это была первая газета, которую прочел юный Мао Цзэдун.

¹¹ Тунмэнхой (Тунмэнхуэй, букв. «Объединенный союз», «Союзная лига») – революционная организация, созданная Сунь Ятсеном в 1905 году. Стал ведущей силой Синьхайской революции, в ходе которой была свергнута маньчжурская монархия и провозглашена республика. В августе 1912 года объединился с несколькими политическими организациями в партию Гоминьдан.

«Я был так взволнован, что тоже написал статью и вывесил ее на стене школы. Это было мое первое изложение собственных политических взглядов».

Каковы же были политические взгляды Мао, возникшие под влиянием первой в его жизни газеты? Та самая листовка, обдуваемая всеми ветрами и опаляемая солнцем, которую вывесил на стене средней школы города Сянсян восемнадцатилетний паренек из деревни Шаошань, давно уже канула в Лету. Лишь благодаря Эдгару Сноу, на свой страх и риск пробравшемуся в провинцию Шэньси, до нас дошли политические взгляды молодого Мао Цзэдуна, изложенные от первого лица.

«В той статье я призывал немедленно вызвать из Японии Сунь Ятсена, чтобы он занял пост президента нового правительства, назначить Кан Ювэя премьером Госсовета, а Лян Цичао – министром иностранных дел!»

Философом Кан Ювэем и его учеником Лян Цичао Мао Цзэдун восхищался с самых ранних лет, его статьи он зачитывал до дыр, и мог без ошибки воспроизвести их наизусть. На полях одной из таких статей юный Мао Цзэдун сделал пометку: «При конституционном строе конституция разрабатывается самим народом, и монарх также назначается народом». В то время он восхищался этими двумя апологетами конституционной монархии и сам был ее сторонником, однако Сунь Ятсен быстро завоевал мятущийся ум юноши, и его первоначальные симпатии сменились интересом к республиканскому строю. Теперь Мао Цзэдун считал, что необходимо поставить во главу государства не монарха, а президента, премьер-министра и министра иностранных дел. Юный Мао четко не осознавал различий между идеями Кан Ювэя и Лян Цичао с одной стороны и Сунь Ятсена с другой, воспринимая их как единое целое, однако то огромное влияние, которое оказал на него именно Сунь Ятсен, совершенно очевидно. Мао глубоко потрясли его идеи.

А что же Сунь Ятсен, знал ли он о своем последователе? В марте 1925 года Сунь Ятсен скончался в Пекине. В это время Мао Цзэдун находился у себя на родине, в провинции Хунань, где занимался социальными исследованиями и создавал крестьянские союзы. Поднявшееся в провинции Хунань крестьянское движение потрясло не только Китай, но и другие страны, однако в то время оно представляло собой лишь разгорающийся язычок пламени. Тем не менее Сунь Ятсен знал о Мао Цзэдуне. На I съезде Гоминьдана, где были выдвинуты три главные политические линии – союз с русскими, союз с коммунистами, опора на рабоче-крестьянские массы, – присутствовали два молодых человека, недавно вступившие в партию, и они произвели на старших товарищей глубокое впечатление своими красноречием, остротой ума и горячностью. Одним из этих молодых коммунистов был Ли Лисань, а вторым – Мао Цзэдун. Ли Лисань был человеком прямолинейным, он изложил в общих чертах собственную позицию, в том числе открыто высказал критику в адрес Гоминьдана. Мао Цзэдун, излагая свою точку зрения, подкреплял ее суждениями Сунь Ятсена. Члены Гоминьдана взирали на молодых людей с нескрываемым изумлением, даже Ван Цзинвэй не сдержал восхищенного возгласа: «Вот она такая, молодежь, вызвавшая к жизни Движение 4 мая!¹²» Сунь Ятсен также с одобрением смотрел на юных коммунистов. Он лично утвердил Мао Цзэдуна в состав комиссии по рассмотрению устава партии.

Однако пылкий юноша, представший перед взором лидера революции, еще не был тем Мао Цзэдуном, которому впоследствии будут принадлежать заслуга строительства новой партии, организации новой армии и основания нового государства. Говоря объективно, если бы

¹² Движение 4 мая – массовое антиимпериалистическое движение. Началось 4 мая 1919 года в Пекине со студенческих демонстраций протеста, затем к ним присоединились рабочие и торговцы. Стало предтечей создания единого антиимпериалистического фронта.

не Октябрьская революция в России, жизненные пути Сунь Ятсена и Мао Цзэдуна вряд ли бы когда-нибудь пересеклись: этих выдающихся революционеров разделяло происхождение, возраст и абсолютно несхожие характеры. Грянувшая пушечным выстрелом революция в России буквально изменила весь мир до неузнаваемости.

Первым китайцем, услышавшим этот выстрел, был не Сунь Ятсен и не Мао Цзэдун, а посланник Бэйянского правительства в России Лю Цзинжэнь. 7 ноября 1917 г. он телеграфировал в Китай:

«Последнее время в России неспокойно, внутри страны ведется напряженная борьба, большевики наращивают силы и стремятся заполучить власть, выступают за мирное соглашение и шантажируют правительство вооруженными мятежами. Правительство слабеет, усиливает репрессии, думая, назревает государственный переворот».

Это была первая весточка в Китай об Октябрьской революции. Лю Цзинжэнь лишь отправил Бэйянскому правительству очередной отчет согласно заведенной процедуре, даже не подозревая, что прямо на его глазах разворачивается масштабное событие, повлиявшее на весь дальнейший ход истории в XX в. На следующий день посланник отправил на родину еще одну телеграмму:

«Объединенная армия солдат и рабочих под руководством большевиков начала антиправительственный мятеж. По распоряжению военно-революционного комитета приказы правительства вступают в силу лишь после утверждения Комитетом. Вчера началось восстание, государственное казначейство захвачено, оккупированы вокзалы... Всеми госучреждениями в городе завладели большевики. Народные массы пока не затронуты».

Это было первое донесение о произошедшей Октябрьской революции, дошедшее до Китая. Перевод некоторых русских слов на китайский язык в телеграммах Лю Цзинжэня сильно озадачил адресатов в министерстве иностранных дел при Бэйянском правительстве. В частности, для обозначения слова «большевики» посланник использовал не принятый в китайском языке эквивалент, а изобрел свой вариант. Поскольку качество и скорость телеграфного сообщения в то время оставляли желать лучшего, известия дошли до Китая с задержкой на целых двадцать дней. В министерстве иностранных дел этим телеграммам особого значения не придали. В международных делах Бэйянское правительство слепо ориентировалось на позиции стран Антанты, поэтому решение приняло в подражание им: Китай отказался признать Советский Союз, возникший в результате Октябрьской революции, и отозвал своего посланника Лю Цзинжэня. Никто не предвидел, что те самые присланные им телеграммы, сразу же по получении отправленные в архив, станут предвестниками колоссальных перемен, которые потрясут все восточное полушарие.

Появилась бы в Китае Компартия, не случись в России Октябрьской революции? Узнал бы мир о Мао Цзэдуна, не появился в Китае Компартия? Выдвинул бы Сунь Ятсен три главные политические линии – союз с русскими, союз с коммунистами и опора на рабоче-крестьянские массы, – если бы не произошло Октябрьской революции? Пересеклись бы жизненные пути Сунь Ятсена и Мао Цзэдуна, если бы не существовало этих трех направлений? Все эти неисчерпаемые, бесконечные «если» и есть главная загадка современной китайской истории, но одна из ее характерных черт заключается в том, что она никогда не дает точного ответа на какие-либо «если». Тем не менее вывод очевиден: Октябрьская революция привела к тому, что бушевавшее в Китае до этого подземное пламя наконец нашло выход наружу. Именно события в России подтолкнули к поступательному развитию изначально равные политические силы – Гоминьдан и китайскую Компартию, однако, движимые единым революционным импульсом, они имели совершенно разные представления о том, по какому пути двигаться дальше.

Идеи и суждения Сунь Ятсена о дальнейшей судьбе революции нашли воплощение в «Декларации Сунь – Иоффе», опубликованной в начале 1923 года, на положения которой регулярно ссылались члены Гоминьдана, но к которой практически не обращались коммунисты. Если уметь читать между строк, то, изучив эту декларацию, можно понять причины последующего раскола между Гоминьданом и КПК, а также увидеть попытки Коминтерна, отстаивавшего интересы СССР, вмешаться в ход китайской революции.

Адольф Абрамович Иоффе был закаленным в боях революционером. Он родился в Крыму, в 1908 году обосновался в Вене и совместно с Троцким издавал газету «Правда». Во время Октябрьской революции 1917 года он был членом Петроградского Военно-революционного комитета. В августе 1922 года в статусе заместителя Народного комиссара по иностранным делам Иоффе прибыл в Китай, где занял должность полномочного посла. На него было возложено две основные миссии: установить дипломатические отношения с Северным Китаем, находящимся под контролем пекинского правительства У Пэйфу, разрешить спор по поводу КВЖД¹³ и вопрос о независимости Внешней Монголии в пользу Советского Союза. В случае неудачи посол должен был переключиться на Южный Китай и оказать помощь революционному правительству Сунь Ятсена. До приезда в Китай и в начале своего пребывания в стране он и представить себе не мог, что станет подписывать какие-либо совместные декларации с Сунь Ятсеном. 19 августа 1922 года, находясь в Пекине, Иоффе написал У Пэйфу письмо, в котором сообщал, что «генерал У произвел на Москву самое благоприятное впечатление». Он предлагал тесное двустороннее сотрудничество, однако генерал в вопросах КВЖД и Внешней Монголии оставался непреклонен. За полгода пребывания в Пекине Иоффе не добился ни малейших подвижек, поэтому решил сконцентрироваться на развитии отношений с южным правительством и привлечь Юг к борьбе против Севера. 17 января 1923 г. он прибыл в Шанхай якобы для прохождения лечения и пробыл там десять дней, практически ежедневно проводя переговоры с Сунь Ятсеном или его представителем Чжан Цзи.

26 января была обнародована «Декларация Сунь – Иоффе». Особый резонанс вызвал ее первый пункт:

«Доктор Сунь Ятсен придерживается мнения, что ни коммунистическая партийная организация, ни советский строй неприменимы в Китае, поскольку страна может успешно существовать без них. А. Иоффе полностью солидарен с этим мнением и считает, что в данный момент самым насущным вопросом для Китая является успешное объединение Китайской Республики и обретение страной полной независимости. В этом великом деле Китай может рассчитывать на помощь со стороны России».

Ни великий пионер китайской демократической революции Сунь Ятсен, ни представитель Коминтерна и советского правительства Адольф Иоффе не видели в Китае почвы для укоренения марксизма-ленинизма и условий для установления советской политической власти. Скептицизм Сунь Ятсена отчасти был обусловлен его уверенностью в «трех народных принципах»¹⁴, а отчасти – обеспокоенностью в связи с недавно созданной в Китае коммунистической партией, именно поэтому в декларации отдельно подчеркивается, что «ни коммунистическая партийная организация, ни советский строй неприменимы в Китае, поскольку страна может

¹³ КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога; до 1917 г. – Маньчжурская дорога, с 1945 г. – Китайская Чанчуньская железная дорога, с 1953 г. – Харбинская железная дорога) – железнодорожная магистраль, построенная в 1897-1903 гг. Российской империей как Южная ветка Транссибирской магистрали, соединяющая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Принадлежала Российской империи и обслуживалась ее подданными. В 1929 г. китайская сторона предприняла попытку национализировать КВЖД, что привело к разрыву дипломатических отношений и вооруженному конфликту (октябрь – ноябрь 1929 г.). Конфликт был урегулирован в ходе переговоров, закончившихся подписанием 22 декабря 1929 г. Хабаровского протокола, восстановившего права СССР. В 1953 г. КВЖД была безвозмездно передана Китаю.

¹⁴ «Три народных принципа» в учении Сунь Ятсена – национализм, народовластие, народное благосостояние.

успешно существовать без них». Скептицизм Иоффе объяснялся его стремлением отстоять национальные интересы Советского Союза.

В обмен на обещание Сунь Ятсена уладить вопросы КВЖД и Внешней Монголии в пользу СССР Иоффе пообещал ему помочь в борьбе с Севером, в частности с У Пэйфу. В связи с этим появились третий и четвертый пункты декларации, согласно которым заключившие ее стороны должны найти общий язык и прийти к компромиссу в решении спора по поводу КВЖД, решить данную проблему исходя из реальных интересов обеих сторон и с должным соблюдением их прав. Советская Россия не имеет намерения отнять территорию Внешней Монголии у Китая, Сунь Ятсен же не настаивает на немедленном выводе советских войск из Внешней Монголии. Главный интерес Сунь Ятсена выражен в первой статье декларации, и со стороны Иоффе это была уступка. Основным интерес Иоффе заключался в третьей и четвертой статьях декларации, и это уже была уступка со стороны Сунь Ятсена.

«Декларация Сунь – Иоффе» стала необычайно важным документом в современной истории Китая, без которого не произошло бы последующих преобразований Гоминьдана, не было бы сотрудничества между революционными партиями, а если заглядывать еще дальше, то без него не была бы создана Академия Вампу и не стал бы возможен Северный поход. Этой декларацией Сунь Ятсен предопределил дальнейший путь китайской революции, в то же время она дала новый ориентир и молодому Советскому Союзу, который сместил центр своего внимания с мировой революции на борьбу за собственные национальные интересы, впервые поставив их во главе идеологии. Однако члены совсем еще юной Компартии Китая пребывали в полном неведении, их мнение по поводу этой декларации не учитывалось.

В ранние годы Сунь Ятсен тяготел к социализму. Во время пребывания в Лондоне в 1896 году он познакомился с учением Карла Маркса. Впоследствии он расскажет о своих впечатлениях социалисту Цзян Канху:

«В Германии есть некто по фамилии Маркс. Он, не жалея сил, посвятил всего себя изучению вопросов капитала, и почти тридцать лет писал свой труд «Капитал». В этой работе он открывает всю правду и упорядочивает бессистемный набор теорий, превращая их в стройное учение. Исследуя социализм, Маркс зрел прямо в корень, а не поверхностно излагает общепринятые мнения или впадает в крайности».

Социализм обладал для Сунь Ятсена огромной притягательной силой: он даже просто-душно позиционировал себя как социалиста. Подобно тому, как Мао Цзэдун поначалу не видел разницы между идеями Сунь Ятсена и Кан Ювэя и философией Лян Цичао, Сунь Ятсен не видел разницы между концепцией Маркса и Энгельса с одной стороны, Каутского и Бернштейна – с другой. В начале 1905 года Сунь Ятсен посетил секретариат Второго интернационала, располагавшийся в столице Бельгии городе Брюсселе, и подал заявку на вступление. Там он встретился с председателем организации Эмилем Вандервельде и секретарем Камилем Гюисмансом и изложил им цели и основные идеи китайских социалистов, сделав весьма смелое предсказание, что от средневековых средств производства Китай прямоком перейдет к социализму, и рабочим больше не придется подвергаться жестокой эксплуатации со стороны капиталистов. В то время Сунь Ятсен еще не был сколько-нибудь значительной фигурой, но всей душой был предан социализму. Позже, уже обретя политический вес, он изменил мнение, придя к выводу, что Китаю не подходит социалистический путь. Вряд ли эта смена парадигмы была обусловлена тем, что в свое время Сунь Ятсена не приняли во Второй интернационал, скорее причиной была уверенность в том, что политическая доктрина «трех народных принципов» куда лучше соответствует внутренней ситуации в Китае.

Однако неприятие социалистического пути для страны вовсе не мешало лидеру китайской революции восхищаться Лениным. 10 ноября 1917 года в шанхайской газете «Миньго

жибао» появился громкий заголовок: «Партия максималистов захватила столицу». Это был первый репортаж об Октябрьской революции, который попался на глаза Сунь Ятсену. Позже через посредников он передаст Ленину письмо, где от лица партии Гоминьдан выразит наивысшее почтение большевикам и надежду на дальнейшее сплочение китайских и русских революционеров во имя общей борьбы. Ленин назвал это письмо «лучом утреннего света с Востока», а наркоминдел СССР Георгий Чичерин написал ответное послание от его имени:

«Мы тоже, как и вы сами, сталкиваемся с беспримерными трудностями на нашем пути... русские трудящиеся классы обращаются к китайским братьям и призывают их к совместной борьбе. Ибо наш успех есть ваш успех, наше уничтожение есть ваше уничтожение»¹⁵.

К сожалению, письмо сильно задержалось, и Сунь Ятсен не прочел вовремя эти строки, которые непременно бы его воодушевили. В ноябре 1920 года ему удалось встретиться с посланником Ленина Григорием Войтинским, который прибыл в Китай еще в апреле с целью объединить разрозненные революционные группировки в одну централизованную организацию. В его миссию входили такие задачи, как содействие созданию китайской Компартии и помощь Гоминьдану в его дальнейшем развитии, таким образом предполагалось «сплотить все революционные группы» и организовать их последующее сотрудничество. Сунь Ятсен подал еще одну идею: по свидетельству Войтинского, он сразу и без обиняков сказал, что в силу особенностей географического положения Гуанчжоу нет возможности наладить прямую связь с Советским Союзом, поэтому нужно создать мощный телеграфный узел во Владивостоке или в Маньчжурии.

Вторым посланником Ленина в Китае был Маринг¹⁶, член Исполкома Коминтерна, пользовавшийся глубоким расположением советского лидера. Он сыграл важную роль в создании КПК, в том числе принял участие в I съезде партии, где на первой сессии выступил с четырехчасовой речью и произвел хорошее впечатление на партийцев. В частности, Мао Цзэдун отзывался о нем как о человеке, «бурлящем энергией и обладающем красноречием». Бао Хуэйсэнь говорил: «Речь из его уст льется, словно река. Он умело применяет разнообразные ораторские приемы». Однако сам Маринг не воспринимал всерьез молодую китайскую Компартию. В своем докладе Коминтерну он пишет, что китайские коммунисты «не разбираются в учении Маркса, им недостает социалистической практики», «это просто студенты, которые тянутся к социализму», а в реальности они «никогда не имели дел с рабочим классом». В то же время оптимизм и надежду ему внушал Гоминьдан, и Маринг охарактеризовал эту партию как «объединение различных общественных классов, включая интеллигенцию, буржуазию из числа мигрантов, военных и рабочих с Юга». По итогам участия в съезде член Исполкома Коминтерна пишет:

«В Шанхае я полностью разочаровался в китайском революционном движении. Я не верю в возможность его развития; зато на Юге я обнаружил широкий простор для деятельности, которую вполне вероятно ждет успех».

Вскоре Маринг покинул Шанхай, где проводился I съезд, и отправился на Юг. В декабре 1921 года он прибыл в Гуйлинь, провинция Гуанси, и обратился к Сунь Ятсену с тремя предложениями:

- 1) реорганизовать Гоминьдан, повсеместно объединить рабочих и крестьян;
- 2) учредить революционные училища, создать революционные вооруженные силы;

¹⁵ Цит. по: Документы внешней политики СССР. Т. I. 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1959. С. 415-416.

¹⁶ Маринг (настоящее имя – Хендрикус Йозефус Франсискус Мари Сневлит, 1883-1942) – голландский коммунист, революционер, профсоюзный деятель и участник Движения Сопротивления. Как функционер Коминтерна руководил формированием Коммунистической партии Китая в 1921 году.

3) поддерживать сотрудничество с Коммунистической партией Китая.

Китайский лидер был убежден, что эти идеи исходят от самого Ленина, и на их основе выработал и провозгласил три направления политики, а именно: союз с русскими, союз с коммунистами, опора на рабоче-крестьянские массы. Сунь Ятсен узнал Ленина благодаря Октябрьской революции в России; Ленин же узнал Сунь Ятсена благодаря Синьхайской революции в Китае. В апреле 1912 года Сунь Ятсен покинул пост временного президента Китайской Республики. Он произнес прощальную речь, в которой подчеркнул, что даже в западных странах, считающихся зажиточными, «все еще существует огромная пропасть между богатыми и бедными, поэтому умы народов этих стран часто занимают революционные идеи. Без социальной революции большинство людей никогда не обретут в жизни радость и счастье, пока же это пресловутое счастье доступно лишь небольшой группке капиталистов».

Ленин был глубоко впечатлен его речью и назвал ее положения «величайшими программными установками китайских демократов», также отметив, что «мы имеем дело с поистине великими идеями поистине великого народа»; «они побуждают нас вновь обратиться к изучению вопроса о взаимодействии народничества и демократических идей современной буржуазной революции в Азии». Именно на Сунь Ятсена Ленин главным образом возлагал надежды в отношении китайской революции. В 1918 году, когда молодое советское государство потерпело поражение в войне с империалистами, а путь в Китай для него был отрезан чехословацкими войсками, социалистами-революционерами и армией Колчака, Ленин искал среди китайских рабочих в России воодушевленных Октябрьской революцией храбрецов, готовых помочь установить контакт с Сунь Ятсеном. Два революционных лидера никогда не встречались лично, но были тесно связаны друг с другом.

Сунь Ятсен был решительно настроен на союз с русскими, союз с коммунистами и опору на рабоче-крестьянские массы, однако на деле все шло не так гладко. Из трех главных направлений самым простым для осуществления был союз с русскими, стремление к установлению которого было обусловлено многочисленными поражениями Сунь Ятсена в борьбе со своими признанными врагами – цинским правительством, Юань Шикаем и Бэйянской кликой; затем с теми, кого он ранее считал своими союзниками, – правительствами Великобритании, США и Японии, и китайскими бюрократами. В июне 1922 года мятеж поднял Чэнь Цзюньмин, и позиции лидера китайской революции пошатнулись под напором своих же подчиненных и бывших соратников, которые хранили ему верность больше десяти лет. Особенно глубоко уязвил Сунь Ятсена поступок Чэнь Цзюньмина, когда тот завладел тремя его секретными письмами, касающимися союза с немцами и русскими, и опубликовал их в Гонконге, что вызвало широкий резонанс как в самом Китае, так и за рубежом. Это было подобно удару ножом в спину, и с горьким чувством Сунь Ятсен говорил: «Мы вели борьбу во имя республики почти тридцать лет, прошли огонь, воду и медные трубы, поражения наши не счесть, но ни одно из них не оправдывает этот поступок».

Чэнь Цзюньмин был не единственным, кто решил воспользоваться слабостью лидера: 49 членов Гоминьдана, в том числе Ли Шицзэн и У Чжихуэй, направили президенту совместную телеграмму, в которой советовали ему уйти в отставку. В этот критический момент его не поддержал никто, кроме Советской России, возглавляемой В. И. Лениным. Как говорится, друзья познаются в беде, и за эти несколько десятилетий Сунь Ятсен смог на деле выяснить, кого действительно можно считать таковыми. По его просьбе Чэнь Южэнь передал полномочному представителю советского правительства Марингу, что «Советская Россия – единственный истинный друг китайской революции».

Самым непростым из трех главных курсов был «союз с коммунистами», хотя Сунь Ятсен относился к ним с большим уважением и восхищением. Он неоднократно говорил своим соратникам Ван Цзинвэю, Ху Ханьминю и Чжан Цзи:

«Наше революционное движение пока очень малочисленно. В восстании на холме Хуанхуаган и в битве при Чаочжоу бойцов у нас было совсем мало; в битве у заставы Чжэньнаньгуань участвовало не больше двухсот бойцов, а в восстании в Циньляне их было не более сотни. Теперь же китайская Компартия организует рабоче-крестьянское движение, народные массы объединяются, и тысячи перерастают в десятки тысяч. Забастовка на рудниках в Кайлуане и забастовка рабочих Пекин-ханькоуской железной дороги 7 февраля своим размахом потрясли не только Китай, но и другие страны. Нельзя недооценивать их исключительную роль!»

Организаторские способности и энергичность коммунистов произвели на него глубочайшее впечатление, и на их фоне особенно остро ощущалось загнивание и отсутствие боеспособности в Гоминьдане. Необходимость срочной реорганизации партии стала очевидной. На вопрос своей супруги Сун Цинлин, зачем Гоминьдану объединяться с коммунистами, Сунь Ятсен объяснил: «Гоминьдан деградирует и находится на краю гибели, чтобы его спасти, необходима молодая кровь». Он хотел привлечь «молодую кровь», но не пытался заменить свою партию новым движением. Сунь Ятсен был глубоко убежден в правильности «трех народных принципов» и в том, что в государстве может быть лишь одна правящая партия и лишь один вождь, поэтому не хотел, чтобы возникла еще какая-либо политическая сила и соперничала с ним. В январе 1923 года он созвал на совещание ключевых членов Гоминьдана и обратился к ним с просьбой высказать мнение о содержании обнародованной тогда же «Декларации Сунь – Иоффе». Пункт о «союзе с русскими» ни у кого вопросов не вызвал, поскольку все осознавали потребность в помощи со стороны Советского Союза как в моральном и финансовом плане, так и в плане оружия и консультаций, однако бурные дискуссии вызвал пункт «союз с коммунистами». Ван Цзинвэй высказался за союз с русскими, но против союза с коммунистами. Ляо Чжункай одобрил оба пункта, считая, что союз с русскими сам по себе предполагает также и союз с коммунистами. Ху Ханьминь колебался между этими двумя точками зрения.

На Ху Ханьмина, вторую по значимости фигуру в партии после Сунь Ятсена, следует обратить особое внимание. Он не первый раз проявлял подобную нерешительность в выборе позиции. В сентябре 1913 года Сунь Ятсен сформировал в Японии Китайскую революционную партию (Гоминьдан) и потребовал от вступающих в нее поставить свой отпечаток пальца и поклясться служить ее лидеру верой и правдой. Это требование вызвало серьезные разногласия в партийных рядах, при этом Ху Ханьминь тогда также балансировал между «за» и «против». Однако он от всей души восхищался Сунь Ятсеном, с которым впервые встретился в Японии в 1905 году, и был покорен его красноречием. Вместе с женой и младшей сестрой они вступили в Тунмэнхой (Объединенный союз). Октябрьская революция оказала большое влияние на Сунь Ятсена, но также ощутимо отразилась и на Ху Ханьмине. Начиная с сентября 1919 года он опубликовал подряд десять статей, в которых анализировал и продвигал идеи исторического материализма.

«У истоков этого учения стоят социализм и такие науки, как социология, экономика и история. Благодаря колоссальным преобразованиям оно практически ознаменовало начало новой эры».

Однако, несмотря на столь высокую оценку марксистского учения исторического материализма, Ху Ханьминь не воспринимал всерьез недавно созданную в Китае Коммунистическую партию. В отношении сотрудничества Гоминьдана с коммунистами он высказывал особую точку зрения: если анархисты могут вступить в партию и служить ей верой и правдой, то сторонники марксизма должны приниматься только на определенных условиях. При этом от всех кандидатов требуется «беззаветно верить в идеи партии, направлять совместные усилия на благо национальной революции». Вступившие в Гоминьдан коммунисты впоследствии могут

отсеиваться, будучи «уличеными в посторонней деятельности, достаточной, чтобы навредить интересам партии». Сунь Ятсен одобрил идеи Ху Ханьминя и во многом позаимствовал их для организации союза с Компартией. Главной его целью было реорганизовать Гоминьдан силами коммунистов, а затем с помощью навязанной им дисциплины взять под контроль Компартию. Выступая за союз с русскими, Сунь Ятсен не верил, что Китай сможет идти по пути, по которому пошла Россия. Выступая за союз с коммунистами, он не верил, что Китай сможет объединиться и развиваться под властью советского режима. Перед великим пионером демократической революции стояла дилемма.

В ноябре 1923 года, накануне I съезда Гоминьдана, одиннадцать представителей гуандунского отделения партии, в том числе Дэн Цзэжу и Линь Чжимянь, подали Сунь Ятсену доклад «Изобличение Компартии», в котором против коммунистов выдвигались обвинения в том, что они «вступают в партию системно и организованно с одной лишь целью – силами русских воздействовать на главу нашего правительства, чтобы оставить нашу партию в тени; самим пользоваться всеми благами, в то время как мы будем терпеть лишения». Изначально сотрудничество Гоминьдана с коммунистами было идеей Сунь Ятсена, поэтому в резолюции на поданный документ он осудил Дэн Цзэжу и его соратников, заявив, что те боятся собственной тени. В эту книгу не вошел еще целый ряд резолюций, в которых он также пишет, что прежде коммунисты старались всеми средствами, в том числе при помощи клеветы, вытеснить гоминьдановцев, так как «хотели взять в свои руки общение с Советской Россией и препятствовать нашему контакту с русскими. В таком случае они смогли бы безраздельно получать от них помощь, установить собственную власть и соперничать с нашей партией. Однако члены революционной партии в Союзе – люди опытные, и эти желторотые юнцы их не смогут провести. Тем не менее я углядел в коммунистах некоторые способности, и потому пытаюсь направить их на путь истинный, исправить их ошибки».

Похоже, Сунь Ятсен сделал такой вывод относительно китайских коммунистов после бесед с Марингом и исходя из его предложений, потому он и попытался этих «юнцов» «исправить». Отсюда и его ответ Дэн Цзэжу: коммунисты должны «действовать с нами заодно», и это само собой разумеется, а «если они не будут слушаться, мне придется с ними распрощаться». Первый в истории случай сотрудничества Гоминьдана и КПК был обусловлен именно этими сложными психологическими и организационными факторами.

В январе 1924 года в Гуанчжоу прошел I Всекитайский съезд Гоминьдана под председательством Сунь Ятсена. В исполком Центрального комитета партии и в кандидаты на членство было избрано десять представителей Компартии, в том числе Ли Дачжао, Тань Пиншань, Мао Цзэдун, Линь Цзухань и Цюй Цюбо, таким образом, его четверть составили коммунисты. Тань Пиншань был назначен начальником орготдела, Линь Цзухань – министром сельского хозяйства; Мао Цзэдун стал секретарем начальника парткома Ху Ханьминя в самом крупном исполнительном бюро Гоминьдана, находившемся в Шанхае, а Юнь Дайин – секретарем начальника отдела пропаганды Ван Цзинвэя. Кроме того, Мао Цзэдун временно исполнял обязанности начальника секции регистрации и архивов до прибытия к месту службы Шао Юаньчуна. Несмотря на очевидный успех коммунистов, они не смогли войти в состав одной из ключевых организаций, учрежденных Гоминьданом, – Центральный контрольный комитет. Вероятнее всего, их в нее просто не допустили.

Гоминьдан всегда отличала довольно слабая организация, за всю историю существования у него не было специального контрольного органа: ни специальный комитет Тунмэнхой, отвечающий за юридические вопросы, ни аналогичные структуры при Китайской революционной партии никогда по-настоящему не осуществляли возложенные на них полномочия. Фактические функции этих структур ограничивались «помощью лидеру партии и главам ее региональных отделений в исполнении своих обязанностей». В 1912 году, когда был создан Гоминьдан, для соответствующих внутрипартийных структур даже не было разработано специальных

документов, определяющих их функции и полномочия. Единственное, что есть в уставе, принятом на I съезде, – это отдельная глава под номером 11, которая называется «Дисциплина», важность ее соблюдения всегда отдельно подчеркивали лидеры партии. Ху Ханьминь заявлял: «Впредь к членам партии, нарушившим дисциплину или наши принципы, будут применяться самые серьезные санкции». Положения этой главы были направлены именно на коммунистов, а обязанность следить за соблюдением дисциплины возлагалась на Центральный контрольный комитет.

На I съезде Гоминьдана в состав Комитета были избраны пять основных членов: Дэн Цзэжу, У Чжихуэй, Ли Шицзэн, Чжан Цзи и Се Чи, и пять временных членов: Цай Юаньпэй, Сюй Чунчжи, Лю Чжэньхуань, Фань Чжунсю и Ян Шукань. Что характерно, среди избранных не было ни одного представителя КПК. Сунь Ятсен допустил коммунистов в состав Центрального исполнительного комитета Гоминьдана и на руководящие должности в ключевых комитетах партии, но при этом не позволил им войти в состав Центрального контрольного комитета. Учредив этот контролирующий орган для обеспечения дисциплины, лидер Гоминьдана таким образом принял меры предосторожности в отношении коммунистов, вступающих в партию, поэтому в состав этой структуры вошли только его соратники. В сущности, необходимость союза с ними была прямым следствием политики союза с русскими; Сунь Ятсен рассчитывал, что со временем Гоминьдан поглотит немногочисленных коммунистов и ассимилирует Компартию. Но что делать, если ассимиляции не произойдет? 9 октября 1924 года в письме к Чан Кайши о создании революционного комитета Сунь Ятсен пишет:

«Что же касается Ху Ханьминя и Ван Цзинвэя, они мастерски сглаживают углы, но ни один из них не в силах решить проблему. До поры до времени они сдерживают ситуацию, но, когда она выйдет из-под контроля, нам придется действовать решительно, при этом невозможно предсказать, успех нас ждет или поражение. Поэтому нам и нужен революционный комитет, чтобы быть готовыми принять необходимые меры. Ни Ху Ханьминь, ни Ван Цзинвэй для этого не годятся».

Сунь Ятсен не хотел разрыва с Компартией, он пытался свести на нет стремление коммунистов к классовой борьбе, поместив их под руководство Гоминьдана. Впоследствии победное завершение Северного похода показало, что даже если бы КПК хотела противостоять Гоминьдану, в то время у нее было недостаточно сил. «Если Компартия задумает внести смуту в наши ряды, мы прекратим поддерживать ее и решительно оставим за бортом Гоминьдана». Можно ли было поверить, что эти слова принадлежат Сунь Ятсену, если бы автор не был указан? Истинное количество коммунистов в рядах Гоминьдана не знал даже тогдашний лидер Компартии Чэнь Дусю. После вступления в Гоминьдан создатель КПК на правах члена партии выступил в газете «Сяндао» с критикой в адрес «тройственного союза» Сунь Ятсена с Фэнтяньской и Аньхойской кликами против Чжилийской клики¹⁷. Он писал, что партия пошла по проторенной дорожке вместо того, чтобы вернуться к революционному пути с опорой на рабоче-крестьянские массы. Его критика в адрес Сунь Ятсена была наполнена негодованием, поскольку от вступающих в Гоминьдан коммунистов требовали безоговорочного подчинения и не учитывали их мнений. Сунь Ятсен неоднократно подчеркивал в разговорах с Марингом:

«Вступающие в Гоминьдан коммунисты должны следовать нашей партийной дисциплине, открытая критика в адрес Гоминьдана недопустима. Если Компартия не станет нам подчиняться, мы отречемся от нее; если

¹⁷ Фэнтяньская, Аньхойская и Чжилийская клики – военные группировки, сформировавшиеся в Китае в так называемую Эпоху военачальников (1916–1928). В этот период контроль над страной был разделен между бывшими военными кликами армии Бэйян и другими региональными группировками. Эпоха военачальников закончилась после объединения Китая через Северную экспедицию в 1928 году.

же Советская Россия возьмет ее под свое покровительство, то мы будем рассматривать русских как своих врагов».

Дошло до того, что Сунь Ятсен даже хотел исключить Чэнь Дусю из Гоминьдана. Эта радикальная мера так и не была осуществлена, однако впоследствии, в качестве предостережения и средства давления на лидера коммунистов, был созван пленум ЦК, на котором обсуждалась возможность вынесения вотума недоверия Компартии. Чэнь Дусю очень удивил такой подход. 13 июля 1924 года он написал Войтинскому письмо, в котором говорилось:

«...мы не должны поддерживать Гоминьдан безо всяких условий и ограничений, нужно поддерживать только те определенные виды деятельности, которые находятся в руках левых, иначе мы помогаем нашим врагам и покупаем себе оппозицию»¹⁸.

На тот момент слова Чэнь Дусю звучали крайне радикально, но и со временем они не утратили свою резкость и остроту. Даже сегодня мы можем оценить, насколько глубокомысленно и дальновидно звучит его предостережение. Нельзя поставить знак равенства между великим первопроходцем китайской демократии и коммунистами, так как конечной целью Сунь Ятсена было создать государство на базе «трех народных принципов», а не социалистическое коммунистическое государство. Во многих современных работах основатель Гоминьдана представляется чуть ли не как член Компартии, но это искажение исторических фактов.

Сунь Ятсен так и не увидит, как в Китае многим позже возникнет, станет развиваться и распространяться социалистический режим: он скончается в Пекине в марте 1925 года. Не увидит это и подписавший с ним совместную декларацию Иоффе: сразу после ее обнародования он уедет в Японию, а по возвращении в Советский Союз окажется вовлечен в процесс против Троцкого и 17 ноября 1927 года покончит с собой. Накануне своей смерти Сунь Ятсен оставил три завещания – политическое, семейное, а также письмо советскому правительству; Иоффе же перед самоубийством не успел оставить даже предсмертной записки¹⁹. «Декларация Сунь – Иоффе» хранится в архиве как важный исторический документ. История распорядилась по-своему: коммунисты в Китае одержали полную победу в 1949 году и установили в стране тот самый «советский строй».

Как стоит трактовать события бурного, принесшего миру колоссальные перемены, XX века современным китайцам, безмятежно прогуливающимся по площади Тяньаньмэнь? Когда эта эпоха подошла к концу, стремительный поток истории вынес жизнь общества в просторную и тихую заводь. Сунь Ятсен никогда не узнает, что «эти желторотые юнцы», «соперничающие с нашей партией», даже после создания Китайской Народной Республики не «распрощаются» с ним, а напротив, поместят на площади Тяньаньмэнь его гигантский портрет, который будет оставаться там неизменно, даже когда уберут изображения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Никогда не узнает он и о том, что френч²⁰, который был смоделирован специально для него, станет излюбленной формой одежды у Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Лю Шаоци, Дэн Сяопина и других руководящих деятелей Нового Китая. В своем политическом завещании Сунь Ятсен напишет:

¹⁸ Цит. по: ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925. М.: АО «Буклет», 1994. С. 459.

¹⁹ А. А. Иоффе оставил перед смертью «политическое завещание», адресованное Л. Троцкому.

²⁰ Так называемая «суньятсеновка», позже – «френч Мао». Наделается революционным и патриотическим смыслом: четыре наружных кармана отражают четыре добродетели: пристойность, справедливость, искренность и чувство стыда; пять главных пуговиц символизируют пять Юаней: законодательство, надзор, инспекция, административное управление и юрисдикция, перечисленные в конституции Китайской Республики; три пуговицы на каждой манжете символизируют «три народных принципа»: национализм, народовластие и народное благосостояние. Единый кусок материи, из которого шьется френч, символизирует единство и миролюбие Китая.

«Я посвятил сорок лет делу национальной революции, целью которой было добиться для Китая свободы и равенства. Накопленный за эти годы опыт привел меня к глубокому осознанию того, что для достижения данной цели необходимо мобилизовать народные массы, объединиться с теми нациями, которые относятся к нам как к равным, и осуществлять совместную борьбу».

В последнем письме советскому правительству он писал:

«Дорогие товарищи! Стоя на пороге вечной разлуки с вами, я хочу выразить надежду на скорый рассвет. Советский Союз, наш добрый друг и союзник, приветственно протянет руки навстречу процветающему, сильному и независимому Китаю, и наши страны бок о бок будут сражаться за свободу угнетенных народов по всему миру и одержат победу».

Сунь Ятсен был уверен, что «ни коммунистическая партийная организация, ни советский строй неприменимы в Китае, поскольку страна может успешно существовать без них», но в итоге та самая молодежь – китайские коммунисты, – следуя его идеям «мобилизовать народные массы, объединиться с теми нациями, которые относятся к нам как к равным, и осуществлять совместную борьбу», создала «процветающий, сильный и независимый Китай». Кто знает, какие чувства испытал бы он, узнав об этом?

1.2. Закаленная Сталь

Г. В. Плеханов был самым прославленным из русских революционеров, наиболее авторитетным и компетентным теоретиком марксизма. В 1880 году он бежал из России в Женеву, где несколько лет спустя основал первый русский марксистский кружок «Освобождение труда». В то время вождю всемирной пролетарской революции Владимиру Ильичу Ленину было всего десять лет. Несомненно, Плеханов оказал большое влияние на юного Ленина, который впоследствии говорил, что не изучи он в свое время все философские труды этого мыслителя, никогда бы не стал настоящим, сознательным коммунистом. В ходе развития дела революции происходит своего рода «естественный отбор» революционеров. В 1903 году Российская социал-демократическая рабочая партия раскололась на две ветви: большевиков и меньшевиков. Плеханов поначалу поддерживал многие идеи Ленина, но очень скоро перешел на сторону меньшевиков и стал высмеивать упрямство их оппонентов, не желающих отказаться от своей позиции и взглядов, называя их «твердокаменными». Однако Ленин воспринимал это прозвище как комплимент, а один из его соратников – Л. Розенфельд – даже выбрал себе в качестве псевдонима фамилию Каменев.

Чуть позже еще один молодой большевик по фамилии Джугашвили возьмет себе еще более «твердый» псевдоним – Сталин. Большевики использовали любые средства, чтобы отвечать на бросающиеся им вызовы. Разумеется, имя не всегда отражает суть людей, к примеру, тот же Каменев во время революции отнюдь не проявил свойственных камню твердости и упорства; в то же время Сталин с его железной рукой и не менее железной волей навсегда оставил глубокий след в истории международного коммунистического движения и в мировой политике XX века.

Судя по архивным материалам, относящимся к китайской революции, которые были опубликованы за последние годы в России, в период с 1923 по 1927 года Политбюро Компартии России посвятило рассмотрению связанных с ней вопросов более ста заседаний, приняло 738 решений. Оно не упускало ни одной мелочи, разработало ее основное направление и курс; железный гигант Сталин пристально наблюдал за ходом революции в Китае. Китайские коммунисты неоднократно ссылались на его знаменитое высказывание, звучащее потрясюще мощно и убедительно:

«В Китае вооруженная революция борется против вооруженной контрреволюции. В этом одна из особенностей и одно из преимуществ китайской революции. В этом же кроется особое значение революционной армии в Китае»²¹.

К сожалению, это высказывание относится к концу 1926 года, и под «вооруженной революцией» в нем подразумевается не продвижение Рабоче-крестьянской Красной армии, которая к тому моменту еще не была создана, а сокрушительная победа над коммунистами многочисленного войска главнокомандующего Чан Кайши. Сталина на это высказывание вдохновили гоминьдановцы. 30 ноября 1926 года на VII расширенном пленуме Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) в Москве выступил с речью Шао Лицзы – представитель Гоминьдана как партии-единомышленника Коминтерна. В это самое время стремительно набирало обороты продвижение Северного похода в Китае, а в московских газетах писали о блистательной победе «гуандунской армии», взявшей штурмом Ханьян, и ставили это событие по степени исторической значимости в один ряд с Учанским восстанием 1911 года.

²¹ Цит. по: Сталин И. В. О перспективах революции в Китае: Речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 357-374. – Примеч. пер.

Взволнованный Шао Лицзы объявил на пленуме, что Гоминьдан «под руководством Коминтерна обязательно выполнит свою историческую миссию». Тогда же им было сказано еще кое-что весьма важное:

«Мы твердо верим, что без вооружения революция не одержала бы победу, и нынешнее состояние Китая лишь подтверждает эту истину».

Выступление Шао Лицзы было недолгим, но произвело на Сталина необычайно глубокое впечатление. Оно нашло отражение в его речи, произнесенной на китайской комиссии ИККИ «О перспективах революции в Китае». Знаменитое высказывание Сталина о «вооруженной революции» было дополнением к речи Шао Лицзы. Коминтерн был властителем слова, а Сталин – настоящим мастером ораторского искусства. ИККИ определил сущность классовой борьбы, как «экспроприацию экспроприаторов», а революционную ситуацию охарактеризовал, как «низкую волну между двумя высокими волнами». Эти слова были подобраны настолько метко и умело, что исчерпывающе раскрыли понятие, для описания которого понадобилось бы несколько тысяч знаков.

Если сравнить утверждения Сталина «вооруженная революция борется против вооруженной контрреволюции» и Шао Лицзы «без вооружения революция не одержала бы победу», то их основная идея окажется схожа, но по ясности, точности и мощи первое превосходит второе во много раз. Шао Лицзы ничего особенного не имел в виду, он говорил лишь опираясь на тридцатилетний опыт Гоминьдана в ведении вооруженной борьбы и вооруженных восстаний, Сталин же придал его словам большое значение. После смерти Сунь Ятсена Гоминьдан, заручившись помощью Коминтерна и КПК, переживал самый блистательный период своей истории – Северный поход, и речь Сталина была высшей оценкой деятельности Национально-революционной армии (НРА) в этой войне. Ни Сталин, ни Шао Лицзы не думали, что эти слова послужат основанием для многочисленных мятежей коммунистов и последующего вооруженного свержения власти Гоминьдана. Равно как ни Сунь Ятсен накануне своей кончины, ни власти Советской России не предполагали, что к власти в Китае могут прийти коммунисты.

Успехи революционного движения в Китае Сталин всецело приписывал Гоминьдану и Чан Кайши, видя в последнем своего рода «якобинца китайской революции». Советский лидер относился к нему весьма благосклонно и верил, что в будущем под руководством этого «китайского Робеспьера» в Китае установится социалистический строй. Но как же тогда Сталин, возлагавший столь высокие надежды на Гоминьдан и его председателя, относился к коммунистам? На VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна в докладе «О перспективах революции в Китае», помимо своего знаменитого высказывания, Сталин отметил еще одну важную вещь.

«Говорят, что китайские коммунисты должны выйти из Гоминдана²². Это неверно, товарищи. Выход китайских коммунистов из Гоминдана в настоящее время был бы глубочайшей ошибкой. Весь ход китайской революции, ее характер, ее перспективы с несомненностью говорят о том, что китайские коммунисты должны остаться в Гоминдане и усилить там свою работу»²³.

Сунь Ятсен полагал, что «ни коммунистическая партийная организация, ни советский строй неприменимы в Китае, поскольку страна может успешно существовать без них», Сталин также не верил, что КПК сможет существовать автономно, в отрыве от Гоминьдана. Не верил он и в то, что КПК сможет самостоятельно довести до конца великую миссию национальной

²² Так в оригинале.

²³ Сталин И. В. О перспективах революции в Китае: Речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г. – Примеч. пер.

революции в Китае. П. А. Миф²⁴, который позже выдвинет на политическую арену Ван Мина, в то время считал, что необходимо призвать Китай установить в деревнях советский режим, и за это подвергался строгой критике со стороны Сталина. По мнению последнего эта идея была изначально ошибочной, так как нельзя в обход промышленных центров Китая устанавливать советский режим, кроме того, установление советской власти в городах на текущий момент не является насущной задачей. Сталин не верил, что деревня сможет стать базой китайской революции, не говоря уже об успешности стратегии «окружить город деревней». Во фразе «говорят, что китайские коммунисты должны выйти из Гоминдана» под неопределенно-личным «говорят» Сталин подразумевал Троцкого, весьма значимую фигуру в русской революции.

21 января 1924 года скончался В. И. Ленин, Сталин направил Троцкому телеграмму:

«Товарищу Троцкому.

21 января 6 часов 50 минут скоростно скончался тов. Ленин.

Смерть последовала от паралича дыхательного центра. Сталин»²⁵.

Некоторые советские партийные деятели получили в литературе и публицистике ярлыки «один из руководителей Октябрьской революции», «один из главных участников», однако для определения исторической роли Троцкого выражение «один из» никогда не подходило. В сентябре 1917 года, накануне решающих событий, он занимал пост председателя Петроградского совета, а в дни Октябрьской революции вступил в должность председателя Петроградского военно-революционного комитета. В фильме «Ленин в Октябре» есть такой эпизод, когда вождь революции проходит через оцепление незамеченным под охраной своего оптимистично настроенного телохранителя Василия, и при этом не прекращает руководить организацией восстания. Если бы фильм был исторически точным, то руководителем вооруженного восстания в Смольном дворце следовало бы показать именно Троцкого, а не Сталина. Иногда некоторые факты можно доказать, лишь рассуждая от обратного. Один западный историк-идеалист, давая свою оценку Октябрьской революции, писал:

«Можно с уверенностью сказать, что, совершая революцию, большевики полагались на непреклонный фанатизм Ленина и преднамеренные подстрекательства Троцкого».

Трагедия ВКП(б) заключалась в том, что утерянную справедливость со стороны своих можно было восстановить только благодаря врагам. После Октябрьской революции Сталин был назначен на незначительную должность народного комиссара по делам национальностей, в то время как Троцкий занимал такие посты, как народный комиссар по военным и морским делам и председатель Петроградского военно-революционного комитета, и носил гордое звание «отец Красной армии», а его изображение висело рядом с портретом Ленина. В «Письме к съезду», записанном под диктовку в период с 23 по 25 декабря 1922 года, Ленин назвал Троцкого «самым способным человеком в настоящем ЦК». Этот русский революционер занимает место в истории, которое трудно перечеркнуть или утаить, при этом сам он был человеком весьма проницательным, четко осознавал свою историческую значимость. Речь его была язвительной и колкой.

6 апреля 1927 года Сталин выступил на съезде в Москве и заявил участникам:

²⁴ Миф Павел Александрович (настоящее имя – Михаил Фортус, 1901–1939) – российский революционер, участник революционных событий в Китае, автор нескольких работ о социально-политической ситуации в Китае. В разные годы был ректором Коммунистического университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена и Коммунистического университета трудящихся Востока им. И. В. Сталина.

²⁵ Текст телеграммы у автора приведен не полностью. Сталин также сообщает в ней дату похорон: «Похороны в субботу 26 января». – *Примеч. пер.*

«Может, Чан Кайши и не сочувствует революции, но он командует армией и никаких иных целей кроме как свержение империализма не преследует и преследовать не может. <...> Поэтому правые для нас, как лимон: прежде чем выбросить его, мы должны выжать из него весь сок»²⁶.

Шесть дней спустя Чан Кайши инициировал контрреволюционный переворот, известный как Инцидент 12 апреля, или Шанхайская резня²⁷. Троцкий ядовито высмеивал приведенное выше высказывание Сталина про китайскую буржуазию, которую нужно «выжать, как лимон», сказав, что этот самый «лимон» захватил власть и армию. Предательство Чан Кайши сильно разгневало Сталина. В мае 1927 года в черновике письма, адресованном ЦК КПК от имени Исполкома Коминтерна, он резко заявит:

«Пора начать действовать. Надо покарать мерзавцев. Если гоминдановцы²⁸ не научатся быть революционными якобинцами, они погибнут и для народа, и для революции»²⁹.

Ситуация сложилась весьма щекотливая. В Москве полным ходом шла подготовка к пер-
вомайской демонстрации, тогда же была изготовлена кукла Чан Кайши в натуральную величину; ее фотографию Сталин отослал в Китай с личным автографом. Только теперь стало очевидно, что «мерзавцы-гоминьдановцы», вопреки его представлениям, отнюдь не являлись «революционными якобинцами». Троцкий же отнесся к Шанхайскому перевороту довольно равнодушно, отреагировав лишь одной фразой: «Они предали не собственный класс, а наше воображение». Поражение пролетарской революции в Китае вызвало ожесточенные дискуссии в Советском Союзе. Заведующий Информотделом ИККИ на Дальнем Востоке С. И. Слепак еще в начале сотрудничества Гоминьдана с Компартией проницательно отмечал опасность метаний между китайскими политическими деятелями, когда то У Пэйфу провозглашается «прекрасным человеком», то Чан Кайши – «революционным якобинцем».

«Пусть не втягивают партию в меняющиеся калейдоскопические кивания то в сторону одного генерала, то другого... <...> Пусть верно, что Гоминьдан пока наилучшая из всех группировок, ближе к национальному революционному движению, но отсюда не значит, что мы должны плестись в хвосте»³⁰.

Однако Сталин не признавал, что политика советского правительства в отношении китайской революции неверна. В мае 1927 года на VIII пленуме ИККИ он отметил, что ЦК КПК верно выполнил линию Коминтерна, однако после поражения революции в Китае поспешил обвинить коммунистов в невыполнении его директив и оппортунистической ошибке. 9 июля 1927 года в письме Молотову и Бухарину он в самых суровых выражениях ругал ЦК КПК:

²⁶ Текст этой речи Сталина считается утраченным, он не был опубликован и не включен в собрания сочинений Сталина. – Примеч. пер.

²⁷ Инцидент 12 апреля (Шанхайская резня 1927 года, Партийная чистка, Контрреволюционный переворот 12 апреля) – устроенное силами Гоминьдана и его союзников массовое истребление китайских коммунистов в Шанхае, в результате которого многие видные члены КПК были убиты или арестованы. Аресты и убийства продолжались по всему Китаю в течение нескольких недель. После уничтожения сторонников КПК в крупных городах Чан Кайши полностью захватил власть, а коммунисты были вынуждены окончательно уйти в подполье.

²⁸ Так в оригинале.

²⁹ Цит по: Сталин И. В. Международное положение и оборона СССР: Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 10. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 3–59. – Примеч. пер.

³⁰ Из письма С. И. Слепака Г. Н. Войтинскому. Пекин, 25 августа 1923 г. Цит. по: Письмо С. И. Слепака Г. Н. Войтинскому. Пекин, 25 ноября 1923 г. // РЦХИДНИ. Ф. 514, оп. 1, д. 42, л. 46–54 об. – Примеч. пер.

«У нас нет, к сожалению, настоящей, или, если хотите – действительной Компартии в Китае... <...> Целый год сидел ЦК КПК на шее у Гоминьдана, пользовался свободой работы, свободой организации и ничего не сделал... <...>... вот где причина того, что директивы КИ не исполнялись»³¹.

Сталин забыл свое же заявление, сделанное 13 мая 1927 года:

«Сейчас, в данную минуту, заменить нынешнюю армию новой армией, Красной армией, не представляется возможным просто потому, что заменить ее пока нечем»³².

Срочная директива от 30 мая, направленная ЦК КПК (знаменитая «майская директива»), гласит: «Немедленно приступить к созданию восьми или десяти дивизий, состоящих из членов Компартии, а также рабочих и крестьян, которые будут руководиться абсолютно надежными людьми», «сформировать (пока не поздно) надежную армию» взамен «этой армии мятежников», чтобы покарать Чан Кайши. Однако в то время у китайской Компартии не было сил даже на создание одной дивизии. Сталин, видимо, забыл и о том, как сам же возмущался, когда китайские коммунисты обратились к нему с просьбой предоставить им вооружение, и как тогда он отдал все оружие Гоминьдану. После Инцидента с канонерской лодкой «Чжуншань»³³ 20 марта 1926 года у Чэнь Дусю возникла идея «подготовить независимые военные силы и противостоять Чан Кайши», и как раз в это время в порт Гуанчжоу прибыла партия советского оружия и боеприпасов. Председатель КПК послал Пэн Шучжи в Гуанчжоу вести от лица партии переговоры с представителями Коминтерна о выделении из этого оружия, предназначенного для Чан Кайши и Ли Цзишэня, пяти тысяч ружей на вооружение Гуандунской крестьянской армии. Советник Бородин, которому Сталин безраздельно доверял, отказал, заявив, что китайские коммунисты должны бросить все силы на поддержку и защиту Чан Кайши и претворение в жизнь планов Северного похода. 25 февраля 1927 года после неудачи Второго шанхайского восстания рабочих представитель Коминтерна А. Альбрехт³⁴ доложил в Москву, что на шанхайском революционном фронте положение

«...очень хорошее <...> эта забастовка, возможно, будет сигналом к восстанию, но нет денег. Нужны гроши. Можно было бы за тысячу пятьдесят купить оружия, гранат и др., а денег нет»³⁵.

Однако Советский союз по-прежнему не оказывал никакого содействия китайским коммунистам и выступал против продолжения ими вооруженных восстаний. К предательским действиям Чан Кайши Сталин был готов еще меньше, чем КПК. Получив известия о контрреволюционном перевороте, инициированном гоминьдановской верхушкой в Шанхае в апреле 1927 года, советский лидер незамедлительно направил телеграмму советнику Бородину, находившемуся при Чан Кайши, с требованием подтвердить или опровергнуть эту информацию. Также в телеграмме уточнялось, можно ли пойти на какие-нибудь уступки в отношении пред-

³¹ Сталин И. В. Письмо В. М. Молотову и Н. И. Бухарину, 9 июля 1927 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 17. Тверь: Научно-издательская компания «Северная корона», 2004. – *Примеч. пер.*

³² Сталин И. В. Беседа со студентами Университета имени Сунь Ятсена, 13 мая 1927 г. – *Примеч. пер.*

³³ Инцидент с военным кораблем «Чжуншань» (Инцидент 320, Кантонский переворот, 20 марта 1926 года) – события, произошедшие в Гуанчжоу при участии военного корабля «Чжуншань». Внезапное появление корабля у берегов Военной академии Вампу было расценено командованием как коммунистический заговор с целью похищения и переправки Чан Кайши во Владивосток и попытка переворота. Инцидент привел к массовым чисткам коммунистов в армии, а также укрепил власть Чан Кайши и его позиции в Гоминьдане.

³⁴ Альбрехт А. (настоящее имя – Александр Емельянович Абрамович, псевдонимы Четувев, Арно, Залевский; 1888–1972) – советский разведчик-нелегал, с 1927 по 1931 годы – представитель исполкома Коминтерна в Китае.

³⁵ Письмо А. Е. Альбрехта И. А. Пятницкому, 25 февраля 1927 года. Цит. по: Письмо А. Е. Альбрехта И. А. Пятницкому (25 февраля 1927 г.) // РЦХИДНИ, ф. 514, оп. 1, д. 244, л. 69–82 об. – *Примеч. пер.*

седателя Гоминьдана, чтобы не дать ему окончательно перейти на сторону империалистов и сохранить единство революционных сил Китая. В тот решающий момент Сталин обратился к коммунистам с требованием оказать мощное вооруженное сопротивление Гоминьдану, но было уже поздно. Неужели он позабыл о собственных словах и решениях, когда ругал ЦК КПК в письме Молотову и Бухарину: «У нас нет, к сожалению, настоящей, или, если хотите, – действительной Компартии в Китае»? Председатель ИККИ Бухарин возложил всю вину за поражение пролетарской революции в Китае на КПК, изложив свои доводы в шести «если бы»:

«Если бы директивы Коминтерна выполнялись на деле, если бы не тормозилось дело аграрной революции, если бы энергично проводилось вооружение рабочих и крестьян, если бы сколачивались верные военные части, если бы была ясная массам политическая линия, если бы выполнялась как следует директива о демократизации Гоминьдана и так далее и т. п., то положение было бы не столь опасным для Уханя»³⁶.

Таким образом наметилась тенденция оправдывать собственные промахи, сваливая вину за неудачи на других, при этом приписывая себе все заслуги. С тех пор сталинское руководство, ВКП(б) и Коминтерн придерживались именно этой линии. Сторонники Троцкого дали свой ответ на эти «если бы», который заставил Бухарина покраснеть:

«Конечно, мы тоже можем дополнить эти “если бы”: если бы мелкая буржуазия не была мелкой буржуазией».

Стоит признать, что Троцкий был первым, кто предостерегал советское руководство относительно излишнего доверия к Чан Кайши. В то время как Сталин и Коминтерн воспринимали генералиссимуса как «якобинца», представляющего среднюю и мелкую буржуазию, Троцкий утверждал, что это – личность бонапартистского типа, и призывал опасаться крупной буржуазии. Он достаточно давно знал Чан Кайши и хорошо изучил его. В 1923 году будущий лидер Гоминьдана во главе «делегации доктора Сунь Ятсена» посетил Советский Союз. 25 ноября на совете президиума ИККИ он бодро и с энтузиазмом изложил с трибуны «концепцию мировой революции» в понимании своей партии, в том числе заявил, что Россия – база мировой революции, и она должна помочь довести до конца дело революции в Китае, затем, после победы революции в Германии и в Китае, все три страны объединятся в борьбе против капитализма по всему миру.

«С опорой на мощь немецкой науки, на успехи китайской революции, на революционный дух русских товарищей и продукцию русского сельского хозяйства мы будем с легкостью вершить всемирную революцию и без труда уничтожим капиталистический строй».

В конце своей речи Чан Кайши добавил:

«Мы рассчитываем, что через три-пять лет первый этап китайской революции – национальная революция – будет успешно пройден. Достигнув этой цели, мы перейдем ко второму этапу – пропаганде коммунистических идеалов. Тогда китайскому народу не будет стоить никаких усилий воплощение в жизнь идей коммунизма».

Выступление Чан Кайши было встречено с большим энтузиазмом. Зиновьев, тогдашний председатель ИККИ, попросил главу китайской делегации «передать горячий братский привет от Коминтерна партии Гоминьдан, и в особенности Сунь Ятсену». На происходившее в зале оживление Троцкий взирал равнодушно, сидя в сторонке. Под предлогом болезни он избегал

³⁶ Бухарин Н. И. Текущий момент китайской революции // Правда. М., 30 июня 1927 года. – Примеч. пер.

личных встреч с Чан Кайши до самого конца пребывания китайской делегации в СССР и принял его лишь в день отъезда. В разговоре с этим фанатиком, который недавно с высокой трибуны призывал вершить всемирную революцию, Троцкий не обмолвился ни словом о революционной борьбе. Чан Кайши приехал в Советский Союз, привлеченный славой и репутацией отца советской Красной армии, ярого революционера и восторженного агитатора, к тому же известного интригана, не выбирающего средств для достижения целей. Наслушавшись этих отзывов, перед встречей с такой культовой фигурой он ощущал волнение и возбуждение, жаждал наставлений, однако Троцкий сделал вид, что абсолютно не ориентируется в китайском вопросе, заявил, что затрудняется предложить товарищам какие-либо идеи и пока не придумал способов помочь китайской революции. Он не особо верил в то, что Китай сможет совершить социалистическую революцию. Чан Кайши изложил Троцкому соображения Сунь Ятсена: поднять войска на китайском Юге и в Монголии и нанести с двух сторон удар по Северным милитаристам, правда, кто должен был поднять войска в Монголии, не уточнялось, но очевидно, что китайцы возлагали надежды на советскую Красную армию под командованием Троцкого. Действительно, почему бы Советскому Союзу не ввести армию в Китай через Монголию? Он же собирался в свое время в целях революции направить в Индию кавалерию через территорию Афганистана.

Однако Троцкий, всегда имевший склонность к авантюрам, в этот раз вел себя на редкость трезво и рассудительно. Он объяснил, что отправить советские войска для непосредственной помощи китайской революции невозможно, ведь, как уже говорилось ранее, стоит Сунь Ятсену взяться за оружие, как в глазах рабочих, крестьян и ремесленников он тотчас окажется в одном ряду с Чжан Цзолинем, У Пэйфу и другими Северными милитаристами. В глазах народа он станет просто еще одним стремящимся к власти милитаристом, а при таком раскладе революционное движение никогда не одержит победу. Чан Кайши словно ледяной водой окатили. Встреча не принесла ожидаемых результатов. Если в Китае не будет сильной революционной партии, подчеркнул Троцкий, или если эта партия не обозначит четко сформулированные политические цели и не будет вести пропагандистскую работу, то «даже если мы дадим вам много денег и окажем военную помощь, у вас все равно ничего не получится». Ответ советского революционера разгневал Чан Кайши, но в то же время придал ему огромный стимул. Сам же Троцкий по непонятным причинам при встрече с такой именитой фигурой китайской революции вел себя крайне настороженно. Ни в китайских, ни в советских публикациях о ней никогда не упоминалось.

Китайская революция впоследствии стала темой горячих дискуссий в рядах ВКП(б) по целому ряду теоретических и практических вопросов организации всемирного революционного движения и установления социалистического строя в конкретной стране. С 1925 года китайский вопрос стал причиной серьезных разногласий между Сталиным и Бухариным с одной стороны и Троцким и Зиновьевым с другой, и в этом противостоянии резкий Троцкий и дипломатичный Зиновьев проиграли. В октябре 1926 года они были исключены из Политбюро, а месяц спустя на VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна Зиновьев был снят с должности его председателя. На этом фоне упрочилась позиция Сталина как вождя всемирной революции и лидера Коминтерна, в котором должность первого секретаря занимал Бухарин.

Троцкого же, к которому Ленин неоднократно обращался в последние годы жизни с продолжением неотступно бороться с бюрократией, на протяжении последующих нескольких десятилетий будут обвинять в отходе от ленинизма и называть «вредителем», «диверсантом», «иностранным шпионом», а его окружение – «шайкой убийц». Эти формулировки впоследствии позаимствуют и китайские коммунисты. Лишь после того, как волнения тех бурных лет, подобно облакам, скроются за горизонтом, историческая роль бывшего председателя Петровета времен Октябрьской революции наконец начнет оцениваться объективно.

В первом томе нового издания «Истории Китайской Коммунистической партии», вышедшего в 2002 году в издательстве «Чжунгундан ши чубаньшэ», говорится:

«Понимание Троцким классовой сущности позднеревolutionонных клик Чан Кайши и Ван Цзинвэя, предчувствие их скорого предательства революции, критика ошибок Сталина в руководстве китайской революцией – все это по крайней мере отчасти было верным... <...> Троцкий считал, что Сталин должен понести ответственность за неудачу революции в Китае».

Трансформация этой точки зрения далась поистине нелегко. В первом томе «Избранных произведений Мао Цзэдуна», изданных в 1952 году, в статье под названием «К вопросу о стратегии борьбы против японского империализма» в отношении Троцкого дается следующий комментарий (автор придерживается точки зрения, принятой на тот момент в Советском Союзе):

«Троцкисты изначально представляли собой оппозиционную партию в русском рабочем движении, отошедшую от ленинизма. Впоследствии же эта партия деградировала и превратилась в абсолютно контрреволюционную бандитскую шайку. Касаясь эволюции этой группы предателей товарищ Сталин в 1937 году в своем выступлении на пленуме ЦК ВКП(б) дал следующие разъяснения: “Троцкизм в прошлом, лет 7–8 тому назад, был одним из таких политических течений в рабочем классе, правда, антиленинским и потому глубоко ошибочным, но все же политическим течением... [Ныне же] троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, <...> троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданию разведывательных органов иностранных государств”»³⁷.

В первом томе «Избранных произведений Мао Цзэдуна», изданных в 1991 году, в статье под названием «К вопросу о стратегии борьбы против японского империализма» изложена более сдержанная позиция в отношении Троцкого. Она выглядит следующим образом:

«Троцкий (1879–1940) после победы Октябрьской революции занимал пост председателя Петроградского военно-революционного комитета. После смерти Ленина он выступал против ленинской теории и намеченной им линии установления социализма в Советском Союзе, в ноябре 1927 года был исключен из партии. Троцкий сыграл большую роль в расколе международного коммунистического движения».

В шестом и седьмом томах «Собрания сочинений Мао Цзэдуна», изданных в 1999 году, в статьях под названиями «Выступления на съездах депутатов ВСНП КПК» и «Выступления на съездах представителей компартии и рабочей партии в Москве» дано объективное описание деятельности Троцкого:

«Троцкий (1879–1940) в период Октябрьской революции входил в состав Политбюро ЦК РСДРП(б) и занимал пост председателя Петросовета. После Октябрьской революции занимал должность наркома иностранных дел, наркома по морским делам, председателя ВРК, члена ИККИ. В октябре 1926 года решением пленума ЦК ВКП(б) был исключен из Политбюро партии. В январе 1927 года исключен из ИККИ, а в ноябре того же года исключен из

³⁷ Сталин И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. – *Примеч. пер.*

*коммунистической партии. В январе 1929 года выдворен из Советского Союза.
В августе 1940 года убит наемником в Мексике».*

Троцкий был талантливым, можно сказать, выдающимся человеком, и в то же время весьма противоречивой исторической личностью. Он сумел оценить обстановку в Китае в период великой революции объективнее, чем Сталин, но были ли его соображения верными на все сто процентов? При встрече с Чан Кайши он делал вид, что не разбирается в ситуации, связанной с китайской революцией, но на самом деле он испытывал к ней огромный интерес и впоследствии даже издал книгу под названием «Вопросы китайской революции». Но действительно ли Троцкий в полной мере разобрался в этих вопросах? Нельзя не отдать должное его проницательности: он действительно был первым, кто призвал соратников с осторожностью относиться к Чан Кайши, а после измены последнего также предостерегал их относительно находившегося в Ухане Ван Цзинвэя. В то же время Троцкий полагал, что не стоит разделять революционный процесс в Китае на демократическую и социалистическую революцию. По его мнению, китайская революция победит только при условии, если будет носить социалистический характер, при этом в качестве необходимого условия должна быть установлена диктатура пролетариата.

Китайская революция была направлена против империализма, с которым национальная и родственная ей компрадорская буржуазия имели общие интересы, поэтому создание единого фронта в текущей ситуации не представлялось возможным. Троцкий был человеком резким, с чересчур левым уклоном, при этом его взгляды нередко противоречили друг другу. Он разглядел слабость буржуазии, но упустил из виду, что пролетариат тоже слишком слаб, и недооценил роль крестьянских масс в китайской революции. Он пришел к заключению, что подъем крестьянского движения возможен лишь при условии подъема рабочего движения, а в случае его спада в городах социалистический режим в отсталых китайских деревнях не выживет. Троцкий считал, что единственный верный путь – это пропаганда советских лозунгов, пока революция в Китае не потерпела окончательного поражения. Если китайская Компартия на пике революционного подъема не создаст советский режим, то после поражения революции, когда все движение окажется в упадке, будет слишком поздно. Пролетариат сейчас может действовать только подпольно, но таким образом советский строй не установишь. Если рабочий класс, утратив силу в городах, переместится в деревню, социализм там тем более построить не получится. Троцкий был противником демократической революции в Китае и отрицал возможность создания единого фронта, равно как и роль революционного настроения крестьян и возможность организации революционных баз в деревнях. Он не верил, что коммунисты смогут завоевать власть, опираясь на деревню.

Будучи одним из отцов советской революции, Троцкий был слишком самоуверен, считал себя единственным после Ленина обладателем монополией на истину. Но абсолютная истина – то, что неподвластно отдельному человеку. Высмеивая Сталина, Троцкий в то же время высмеивал китайских коммунистов, ведущих вооруженную борьбу в деревнях, однако Сталин постепенно корректировал свои взгляды, приближаясь к истине, а Троцкий, напротив, все больше отдалялся от изначально верных суждений. Мудрость и заблуждение рука об руку шагают по пути истории и часто оказываются тесно переплетены друг с другом.

1.3. Кто избрал Мао Цзэдуна

Человек, который хочет войти в историю как вершитель великих дел, должен на практике удовлетворять трем условиям:

- 1) уметь ценить таланты;
- 2) быть неподвластным деньгам;
- 3) уметь безжалостно убивать.

В современной истории Китая Чан Кайши удовлетворял всем трем условиям как никто другой. Он был единственным, кому оказалось под силу сменить правящий режим. В молодости во время учебы в Японии он прислал своему двоюродному брату фотографию со стихотворной подписью на обратной стороне:

*Весь шар земной объят духом войны,
Без силы дела не вершатся!
В поисках силы прибыл я на восток,
Не в погоне за титулами, но во имя славы Отечества!*

От Кантонского переворота 20 марта 1926 года до Шанхайской резни 12 апреля 1927 года; от инцидента с Новой 4-й армией³⁸ в январе 1941 года до масштабного наступления на Освобожденные районы 26 июня 1946 года – этот человек раз за разом заносил топор над шеей китайских коммунистов. За период с апреля и до конца 1927 года, а также в первом полугодии 1928 года общее количество убитых по его приказу революционеров: коммунистов, комсомольцев, рабочих и крестьян достигло 337 000, а к 1932 году эта цифра превысила миллион. В этой мясорубке погибли многие выдающиеся вожди китайской Компартии, в том числе Ло Инун, Чжао Шиянь, Чэнь Яньнянь, Ли Цихань, Сяо Чунъюй, Дэн Пэй, Сян Цзинъюй, Сюн Сюн, Пэн Бай, Чжан Тайлэй, Цюй Цюбо, Юнь Дайин и Фан Чжиминь. Чжоу Эньлай с горечью говорил: «Враг может уничтожить наших революционных вождей в считанные минуты, а мы не можем в считанные минуты выковать и закалить новых». Китайская Компартия оказалась на грани гибели вследствие массового истребления ее руководства. Гоминьдановский военачальник, патриот Чэнь Миншу писал в своих записках под названием «К четвертой годовщине Мукденского инцидента»:

«Увы! Сколько пылких молодых жизней загублено одним простым распоряжением “Положить конец любой деятельности” в приказе о чистке в партийных рядах! Во имя “спасения партии” Гоминьдан вырезал миллионы полных энтузиазма и веры в будущее молодых людей. Китай понес небывалую утрату, с которой не сравнится даже истребление Цинь Шихуаном ученых-книжников и их трудов³⁹».

«Белый террор», учиненный Чан Кайши в Китае, можно считать самым масштабным случаем реакционного террора в мире. На этом фоне русских революционеров-большевиков можно назвать счастливчиками: оба ареста Ленина закончились ссылкой, так же две ссылки пережил и Троцкий; Бухарина после арестов отправляли в ссылку трижды; Каменев был осуж-

³⁸ Инцидент с Новой 4-й армией (Инцидент в Южном Аньхое, 7–13 января 1941 года) – события во время Второй японо-китайской войны, в ходе которых силами Гоминьдана были полностью разгромлены коммунистические войска Новой 4-й армии, подразделение было расформировано, а командующий предан суду. Инцидент ознаменовал конец реального сотрудничества между Гоминьданом и коммунистами в борьбе против японских интервентов.

³⁹ По преданию циньский правитель Цинь Шихуанди (259 до н. э. – 210 до н. э.) расправился с конфуцианскими учеными, велел закопать 460 из них живыми в землю. Также по его приказу были сожжены все книги, за исключением трактатов о сельском хозяйстве, медицине, гаданиях и хроник циньских правителей.

ден на пожизненную ссылку; Калинина и Дзержинского неоднократно отправляли в ссылки, как, впрочем, и Орджоникидзе с Куйбышевым; Свердлова держали в тюремном заключении около двенадцати лет. Даже Сталин успел побывать в семи ссылках. Если бы император Николай II действовал, как Чан Кайши, много ли большевиков сумело бы выжить? Кто бы тогда возглавил Октябрьскую революцию, изменившую ход мировой истории в XX веке?

В Китае же практически никто из арестованных коммунистов не выходил на свободу живым. Генсекретарь ЦК КПК Сян Чжунфа, арестованный гоминьдановцами, согласился дать показания против товарищей по партии, но это его не спасло: Чан Кайши приказал его расстрелять всего через три дня после ареста. В политическом лексиконе лидера Гоминьдана изобиловали такие выражения, как «казнить через обезглавливание», «расстрелять», «казнить без промедления», «обезглавить без промедления», а вот слово «ссылка» там не фигурирует. Чудом спастись удавалось лишь единицам. Среди таких счастливиц оказался, к примеру, Чэнь Гэн, который во время Восточного похода армии Вампу спас жизнь Чан Кайши, так что казнить его означало бы навредить своей же репутации. Арестованного пришлось отпустить.

Это произошло в октябре 1925 года во время второго Восточного похода. 3-я дивизия попала в засаду в окрестностях Хуаяна, сложилась крайне опасная ситуация, но Чан Кайши через командира 4-го полка Чэнь Гэна передал приказ не отступать. За несколько месяцев до этого они совместно с Ляо Чжункаем подписали распоряжение о том, что «в случае отступления всей бригады будет казнен только командир бригады. В случае отступления всего взвода будет казнен только командир взвода. В случае отступления целой роты будет казнен только командир роты. В случае отступления целого батальона будет казнен только командир батальона. В случае отступления всего полка будет казнен только командир полка. В случае отступления целой дивизии будет казнен только командир дивизии». Под натиском врага 3-я дивизия начинала сдавать позиции по всей линии фронта, но желающих согласно приказу приводить смертный приговор в исполнение не нашлось. В то время как его армия терпела сокрушительное поражение, Чан Кайши продолжал оставаться на месте и отдавать приказы, и тогда Чэнь Гэн схватил его, взвалил себе на спину и бросился бежать. Они добрались до реки, сели в лодку и переправились на другой берег. Таким образом обоим удалось спастись. Чан Кайши впоследствии горестно вздыхал: «Все-таки есть высшие силы на небесах, благодаря хитрому маневру я избежал смертельной опасности», но сам прекрасно понимал, что именно Чэнь Гэн спас ему жизнь.

В марте 1933 года Чэнь Гэна арестовали в Шанхае. Узнав об этом, Чан Кайши немедленно приказал доставить арестованного в Наньчан, чтобы самолично уговорить его дать показания. Говорят, когда генералиссимус вошел в камеру к арестованному, тот схватил первую попавшуюся газету и закрыл ею лицо. Чан Кайши сначала поверил, что Чэнь Гэн и впрямь погружен в чтение, пробовал подойти к нему то с одной, то с другой стороны, но арестант продолжал закрывать лицо газетой. Поняв бесполезность своих попыток разговаривать с Чэнь Гэном, Чан Кайши с горькой усмешкой покинул камеру. Месяц спустя арестанта вывели в сопровождении доверенного лица якобы на прогулку и позволили бежать. Это был единственный случай, когда коммунист вышел после ареста целым и невредимым. С остальными арестованными так не церемонились. Не избежал страшной участи даже давний соратник Чан Кайши Дэн Яньда, который служил в свое время наставником в Академии Вампу, был заведующим политотделом генштаба НРА, при этом никогда коммунистом не являлся, а входил в некую третью партию. Несмотря ни на что, в том числе на ходатайства Чэнь Чэна, он был арестован и казнен.

Как же получилось, что коммунисты выжили в то время, когда в Китае бушевал такой «дух войны»? Благодаря каким силам китайский советский режим смог преодолеть все невзгоды, а китайские коммунисты, раз за разом «зализывая раны» и похоронив тела товарищей, продолжали бороться? Это настоящая загадка современной истории Китая, которую хотел бы разгадать каждый.

Председатель политического совета Центрального исполнительного комитета Гоминьдана Ван Цзинвэй полагал, что причина популярности идей коммунизма кроется в тяжелом положении китайского сельского хозяйства. В приветственной речи на IV пленуме ЦИК Гоминьдана четвертого созыва, проходившем в ноябре 1934 года в Нанкине, он сказал:

«К вопросу о происхождении коммунистической банды – она является историческим следствием безработицы среди наших крестьян. Ситуацию усугубила экономическая отсталость Китая на протяжении нескольких десятилетий, деревня пришла в полный упадок, число безработных стремительно растет. На этом фоне предприимчивые дельцы прибрали деревню к рукам, вообразив себя Ли Цзычэнами и Чжан Сяньчжундами⁴⁰. В частности, в провинции Цзянси численность населения сократилась до шести миллионов, это настоящая катастрофа, сравнимая по своей тяжести с наводнением и нашествием диких зверей. Наша задача не только истребить бандитов, но и ликвидировать сам корень проблемы, покончив с безработицей среди крестьян».

Ван Цзинвэй выделялся среди соратников изящными манерами и славился как самый талантливый оратор Гоминьдана. Именно он был составителем завещания Сунь Ятсена и последним, кого тот позвал к себе перед смертью. Его можно считать самой драматичной фигурой современной китайской истории. В ноябре 1909 года он тайно прибыл в Пекин из Гонконга вместе с Хуан Фушэном и Юй Пэйлуном, чтобы совершить покушение на принца-регента Цзайфэна. Незадолго до этого корейский националист Ан Чунгын застрелил в Харбине японского министра Ито Хиробуми, и это убийство потрясло весь мир. Безрезультатность многочисленных революционных восстаний в Китае приводили Ван Цзинвэя в отчаяние, и когда цинский двор пустил ложный слух о «подготовке конституции», он решил действовать по примеру Ан Чунгына и убить первого министра, дабы пробудить в народе революционный дух.

В то время со стороны монархистов звучали насмешки в адрес революционеров, мол, «Сунь Ятсен отправляет других на смерть, а сам отсиживается в безопасном месте и принимает почести. Вот, оказывается, как просто стать великим человеком!» Эти обвинения действовали на Ван Цзинвэя как красная тряпка на быка, так что он решил продемонстрировать готовность к решительным действиям, пролив кровь врагов. Однако решить – еще не значит сделать. Ван Цзинвэй, Хуан Фушэн и Юй Пэйлун ради своего плана готовы были пожертвовать жизнью, но никто из них не имел ни опыта организации покушений, ни смелости приблизиться к его объекту, которыми обладал Ан Чунгын. Заговорщики потратили три месяца на изучение обстановки, чтобы найти подходящее место для размещения взрывчатки, но так и не пришли к окончательному решению. Резиденция принца-регента располагалась вблизи одного из хутонов в районе Хоухай за воротами Дианьмэнь. Сначала было решено заложить взрывчатку на проспекте Гулоу, затем место покушения перенесли на примыкающую к нему боковую улицу Яньдай, но в конце концов отказались от обоих вариантов в пользу моста Иньдинцяо. В назначенную ночь трое заговорщиков принялись копать яму для взрывчатки под мостом, но тут окрестные собаки подняли лай и спугнули их, не дав довести дело до конца. Условились встретиться на том же месте следующей ночью, однако, когда Хуан Фушэн и Юй Пэйлун зарыли взрывчатку, их застигли прямо на месте преступления и всех троих арестовали. Покушение было раскрыто, и заговор провалился.

Ван Цзинвэй с самого начала был решительно настроен пожертвовать жизнью ради общего дела, но в ожидании смертной казни в заключении сломался и написал признание объ-

⁴⁰ Ли Цзычэн (1606–1645) и Чжан Сяньчжун (1606–1647) – предводители крестьянской войны в Китае во время последних лет империи Мин и первых лет империи Цин.

емом в несколько тысяч иероглифов, где клеймил позором маньчжурский трон и делился своими чувствами:

*Заключен я в темницу, но дух мой парит,
Изливаю печаль я в торжественной песне.
И пусть вскоре глава моя с плеч полетит —
Честь свою я не предал ни словом, ни делом.*

Много горючих слез пролили над этой песней равнодушные к судьбе страны и народа мужи! Полный энтузиазма, романтических ожиданий и личного обаяния радикал Ван Цзинвэй превратил образ революционера в совершенный идеал, однако дальше он совершил непростительную оплошность, которая привела к развитию трагических событий и крайне негативным последствиям. Член партии большевиков, председатель Коминтерна Зиновьев называл себя политиком, который умеет «все предвидеть заранее», но он не сумел предугадать, что Сталин приговорит его к смертной казни за «скатывание к фашизму». Знаменитый, но несостоявшийся террорист Ван Цзинвэй, оставшийся в живых накануне Синьхайской революции, не мог предвидеть, что и сам подвергнется покушению накануне антияпонской войны.

1 ноября 1935 года в Нанкине проходил VI пленум ЦИК Гоминьдана четвертого созыва. Перед началом заседания по традиции устроили фотосъемку для членов ЦИК, и вдруг внезапно сквозь толпу собравшихся журналистов и участников пленума протиснулся человек в костюме европейского покроя и плаще, достал пистолет и трижды выстрелил в Ван Цзинвэя, стоявшего в самом центре фотографирующихся в первом ряду. Этим человеком оказался корреспондент нанкинского информагентства «Чэньгуан» Сунь Фэнмин. Убийца действовал быстро и решительно, в отличие от Ван Цзинвэя, который в свое время при подготовке покушения на Цзайфэна так и не смог перейти к активным действиям. Охрана открыла ответную стрельбу, началась паника; участники пленума бросились к выходу, в давке некоторые, как, например, отличавшийся слабым здоровьем Чжан Цзинцзян, падали на пол и получали травмы. Выпущенная террористом пуля попала в Ван Цзинвэя и застряла у него в позвоночнике, впоследствии она стала для него роковой, десятилетием позже сведя его в могилу. 10 ноября 1944 года он скончается в Японии от рецидива болезни, вызванной тем ранением.

Этот человек начал свой путь на исторический олимп как террорист-убийца, а в конце концов сам погиб от рук убийцы. Он начинал как борец за справедливость, готовый пожертвовать жизнью во имя великого дела, а закончил как главный предатель родины, заискивающий перед ее врагами. Если бы история распорядилась по-другому: если бы принц-регент Цзайфэн, схватив Ван Цзинвэя, казнил его, в современной истории Китая несомненно стало бы одним оплакиваемым отважным героем больше и одним проклинаемым предателем родины меньше.

«Если б погиб тогда, никто бы не узнал его истинной сущности»⁴¹.

Ван Цзинвэй поистине представлял собой загадку. Он полагал, что появление и распространение несмотря ни на что советского режима на территории Китая можно объяснить кризисом сельского хозяйства, однако у его заклятого врага — Чан Кайши — на этот счет была другая теория. 12 мая 1931 года на IV съезде национального собрания гоминьдановского правительства Хэ Иньцин от лица Чан Кайши выступил с докладом об «истреблении бандитов». Отвечая на вопрос «Как получилось, что красные бандиты так распоясались?», он привел пять причин:

«Во-первых, это связано с неутрачиваемыми войнами между милитаристами. Солдаты разбитых армий разбредаются и сколачивают

⁴¹ Строчка из третьего стихотворения из цикла «Говорю без стеснения» Бо Цзюйи. — Примеч. пер.

разбойничьи шайки, подбирают оружие, которое в большом количестве остается на поле боя, и становятся неуправляемыми.

Во-вторых, это происки красных империалистов, которые хотят исподтишка поглотить Китай, чтобы брать у нас сырье и сбывать нам свою продукцию.

Третья причина – экономическая экспансия белых империалистов, которая привела китайскую деревню к банкротству, увеличила количество безработных крестьян и погрузила их в состояние крайней нужды.

Четвертая причина кроется в несовершенстве нашей образовательной системы. В школах нынешняя молодежь в лучшем случае получает кое-какие теоретические знания, но ей недостает морального воспитания. Большинство молодых людей в своем поведении руководствуется сиюминутными порывами, мало у кого хватает мужества стойко держаться принципов.

Пятая причина кроется в расшатанности организации нашего общества. Китай отравлен авторитаризмом, под властью которого жил несколько тысячелетий, сейчас же его раздирают на части милитаристы, поэтому общество в буквальном смысле потеряло способность действовать самостоятельно, у него не осталось ни желания, ни смелости защищать себя.

Вот по этим причинам яд красных бандитов проник в плоть Китая, и она начала разлагаться. Если мы не примем необходимые меры и не приложим должные усилия, то рискуем получить новое крестьянское восстание Хуан Чао, как при династии Тан, или засилье бесчинствующих бандитов, как в конце эпохи Мин».

Первая, четвертая и пятая причины были связаны с противоречиями внутри страны, так что Гоминьдан, являющийся в то время правящей партией, вряд ли мог снять с себя ответственность за них и обвинить кого-либо другого. Под «белыми империалистами» понимались Великобритания, США и Япония, которые стали основными источниками поддержки национального правительства. Этот факт намеренно приуменьшили, назвав его лишь «экономической экспансией», одним из последствий которой, однако, было бедственное положение крестьян, так как она «привела китайскую деревню к банкротству». На второй же причине «бесчинства бандитов», а именно – на «красном империализме», Хэ Инцинъ сделал особый упор. Он заявил, что красные империалисты «вскармливают себе прихвостней, чтобы сделать из них шпионов, и в то же время пользуются их силой, чтобы припугнуть Европу и Америку, одержать победу на дипломатическом фронте, поэтому Китаю они готовы пожертвовать без сожаления. Как известно, в истории нашей страны не было недостатка в бандитах, но сейчас несколько иная ситуация: у нынешних бандитов есть поддержка в лице других государств, им оказывается экономическая помощь, они получают организованное руководство и подготовку, поэтому теперь они совсем распоясались». Таким образом, по мнению гоминьдановского министра, партийная организация КПК продолжала существовать вопреки всевозможным препонам, а коммунистическое движение не рухнуло вопреки многочисленным ударам лишь благодаря тому, что революция, вершимая Советской Россией и китайской Компартией, является «наемной».

Это утверждение было главным оружием Гоминьдана на протяжении нескольких десятилетий, однако ему не доставало теоретической базы. Советская Россия и Коммунистический интернационал после Октябрьской революции оказывали разнообразную помощь не только Компартии, но и прочим революционным группировкам в Китае, и самое забавное, что по большей части получателем такой помощи был как раз сам Гоминьдан.

В 1923 году после подписания «Декларации Сунь – Иоффе» советский посланник отбыл в Японию и из города Атами направил телеграмму Марингу с просьбой передать руководству Гоминьдана, что Советский Союз окажет ему денежную помощь в размере двух миллионов рублей, предоставит восемь тысяч винтовок, пятнадцать пулеметов, четыре пушки и две бронемашин, а кроме того, направит своих инструкторов для помощи в создании военной академии. Заведующий учебной частью Военной академии Вампу Ван Болин писал, что еще до открытия Сунь Ятсен распорядился передать в ее пользование триста винтовок «Маузер», произведенных в провинции Гуандун. Однако в то время военные заводы стремились угодить милитаристам, и им было не до Академии, так что на момент начала занятий в этом учебном заведении насчитывалось всего тридцать винтовок, которых едва хватало караульным; не помогло даже многократное вмешательство Ляо Чжункая. Как раз в это время к китайским берегам пристал советский корабль, груженный восьмью тысячами винтовок со штыками, к каждой из которых прилагалось по пятьсот патронов, также было доставлено десять пистолетов. Эта помощь от Советского Союза была встречена бурным ликованием курсантов, а Ван Болин даже назвал ее «настоящим даром небес», отмечая, что «вся Академия ликовала, начиная с руководства и заканчивая учащимися. Отныне у нас не было поводов для печали, у нашей революции появился уставной капитал».

Армия Вампу, которой так гордился Чан Кайши, была создана на советские деньги. У Гоминьдана появилась финансовая база для создания армии именно благодаря выделенным Советским Союзом двум миллионам рублей, которые покрыли издержки на открытие Академии, а также благодаря предоставленной им же огромной партии вооружения и целой команде военных советников. Кроме Бородина, занявшего пост политического советника в ЦИКе Гоминьдана, и Блюхера, исполнявшего обязанности военного советника, были присланы Черепанов в качестве главного военного советника по работе Академии, а также советник по пехоте, советник по артиллерии, советник по инженерным войскам, политический советник. Советские специалисты руководили военной и политической подготовкой, составили пять крупных учебных пособий по тактике, вооружению, фортификации, топографии и коммуникациям, которые стали базой для последующего усиления боеспособности армии Вампу. СССР продолжал поставлять Китаю оружие и боеприпасы. Стоимость одной такой партии вооружения, доставленной в Гуанчжоу в 1925 году, составила полмиллиона рублей. В 1926 году в Гуанчжоу прибыло еще четыре партии вооружения:

В первой партии было четыре тысячи винтовок, четыре миллиона патронов и тысяча сабель японского производства;

Во второй партии – девять тысяч винтовок и три миллиона патронов советского производства;

В третьей партии – сорок пулеметов и четыре тысячи пулеметных лент, двенадцать пушек и тысяча пушечных ядер;

В четвертой партии – пять тысяч винтовок, пять миллионов патронов, пятьдесят пулеметов и двенадцать пушек.

После великой победы во втором Восточном походе Чан Кайши в Шаньтоу говорил:

«Откуда взялись организационные методы нашей армии? Думаю, вам это неизвестно. Буду откровенен, свою армейскую систему мы создали по образу и подобию советской Красной армии... <...> Если бы советские товарищи не приехали и не научили нас своим методам ведения революции, Национально-революционной армии, наверное, так и не суждено было бы появиться».

Чан Кайши прекрасно знал, что победой армии Вампу он по большей части обязан советскому вооружению и присланным военным советникам. За это оппоненты часто обвиняли

Гоминьдан в «поклонении рублю». В 1924 году во время интервью Сунь Ятсена и Ван Цзинвэя газете «Шуньтянь шибао» один из журналистов спросил:

– Почему Гоминьдан принимает от советских большевиков помощь ежемесячно в размере 5 000 золотых рублей? Почему Гуанчжоуская военная академия существует на деньги советского правительства?

Лидеры Гоминьдана уклончиво ответили:

– Что касается вопроса о, якобы, получении Гоминьданом и Академией Вампу денежных средств от другой страны, для подобных обвинений должны быть веские основания в виде письменных документов. Просим господина журналиста предъявить доказательства получения нами финансовой помощи от Советского Союза, в противном случае он понесет не только моральную ответственность, но и юридическую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.